

AMPHORA

ТОК МАКОВ

ДЕТДОМ
ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ
УБИЙЦ

ПОКОЛЕНИЕ V

Владимир Токмаков

Детдом для престарелых убийц

OCR Ustas, ReadCheck Svetik

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158053

Владимир Токмаков Детдом для престарелых убийц: «Амфора» ;

Санкт-Петербург; 2002

ISBN 5-94278-312-8

Аннотация

Жанр, в котором написана эта книга, определить трудно. Есть здесь что-то и от мистического триллера, и от постмодернистского романа, и от психологической драмы, и даже от литературной порнографии. Одно можно сказать со всей определенностью: книга написана столь увлекательно, что порой кажется – из-под обложки сыпятся искры.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ПОБЕДА ДОЛЖНА БЫТЬ НЕВОЗМОЖНОЙ	7
ПРОБЛЕМА ПРАВА И ПРОБЛЕМА ЛЕВА	19
МОЙ СОН – МОЯ КРЕПОСТЬ	23
ПО ТУ СТОРОНУ ДВЕРИ	26
ОШИБКА ИМЕНИ МЕНЯ	29
ДАЛЕЕ	32
ЗНАНИЕ – СИЛА, НЕЗНАНИЕ – ВЛАСТЬ!	34
КУРТ КОБЕЙН – ЭТО НЕ ВЫХОД!	41
ИГРА В ГЛУХОЙ ТЕЛЕФОН.	46
«ПИСЬМО СЕМЕНА БАТАЕВА	50
СДЕЛАННЫЙ ИЗ КАМНЯ	61
РУССКОЕ ПОРНО	65
СВОБОДНОЕ МЕСТО	73
ФПЖ	77
«ЗАКАТ СОЛНЦА ВРУЧНУЮ.	84
ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ:	95
ГОЛАЯ МИКРОСХЕМА РОМАНА	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Владимир Токмаков

Детдом для престарелых убийц фантазии в стиле TRASH (ТРЭШ)

*Глебу ШУЛЬПЯКОВУ,
Александру КАРПОВУ
и той девушке,
которая вывела меня
НА ЧИСТУЮ воду.*

*В гимназию не пошел... Вычислял квадратуру
круга.*

Валерий Брюсов. Дневники, 11 апреля 1891 года

Принял опий, чтобы заснуть.

Корней Чуковский. Дневник, 23 марта 1922 года

*Всем лучшим и всем худшим во мне я обязан
бессоннице.*

Эмиль Мишель Чоран. «Записные книжки»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я вышел из ломбарда на улицу.

В кармане звенели полученные только что деньги, а в провинции с успехом шел чисто голливудский осенний дождь. Асфальт блестел, как лысина главбуха, в последний момент обнаружившего ошибку в годовом отчете.

Ноябрь. Год кончается, как сигареты в пачке. Выбросить пустую – и пойти купить новую. Деньги теперь есть. А потом я выкуплю эту штуку, даже если придется заплатить втрое дороже.

Ветер повис на проводах – и воет. Я поежился и поднял воротник кожаного плаща со следами от споротых нацистских нашивок. Подарок американского дедушки на мое давнишнее совершеннолетие. Он у меня воевал во Вторую мировую. Вот только до сих пор не знаю, на чьей стороне. А впрочем, а впрочем... С моим прадедом было не лучше. Он стал участником белого движения, променяв свое дворянское гнездо на осиное.

...Я вздрогнул. Мысли прервал выстрел. Мне показалось – именно из охотничьего ружья. Выстрел раздался из ломбардной лавки. Я бросился внутрь. Продавцом здесь работал человек, как две капли воды похожий на старика Хэма (Хемингуэя – видел его на фотках у знакомых шестидесятников).

«Человек — это стиль», — не то в его, не то в моих мозгах мелькнула свежая мысль. Мозгами и кровью был забрызган весь прилавок, стеллажи и витринные стекла.

В панике, больно стукнувшись плечом о входную дверь, я бросился бежать. Жаль, что вещица теперь останется здесь навсегда, лихорадочно думал я.

ПОБЕДА ДОЛЖНА БЫТЬ НЕВОЗМОЖНОЙ

Больше всего на свете я люблю спать в кинотеатрах.

Мне наплевать, какой там показывают фильм.

Для меня имеют значение только две вещи: первая – чтобы фильм шел не меньше двух часов (иначе я не высыпаюсь), и вторая – чтобы кресла в зале были мягкие и удобные.

Первые пятнадцать-двадцать минут я обычно еще слежу за интригой, а потом медленно уплываю куда-то за экран. Часто в моих снах фигурируют герои идущего фильма. Но не всегда. Мои сны в кинотеатрах сытны и не нуждаются в дополнительных сюжетных подкреплениях.

То есть я оказываюсь как бы в двойной скорлупке: от внешнего мира я ухожу в кинотеатр, а тут еще и от киномысла ухожу в некие сюрреальные миры снов и галлюцинаций.

Представляете, какие химеры меня подчас здесь посещают?

Летом я сплю обычно в большом и шикарном, рассчитанном на тысячу человек, престижном городском кинотеатре «Лучший Мир». Но когда начинаются осенние холода и в огромном неотопливаемом зале «Лучшего Мира» становится холодно, я перебираюсь в кинотеатры с маленькими заль-

чиками – типа «Малая Земля», зал киноцентра «Возрождение» или зальчик при киноклубе «Целина».

Один раз я так громко застонал во сне, что служащие даже зажгли свет в зале. Было это в «Малой Земле». Никто из тех двух-трех присутствовавших на просмотре киноманов не сказал, кто кричал. Я тоже. А на фига нам выдавать свои рыбные места?

Дело все в том, что я давно страдаю бессонницей. Но вот парадокс: дома, в мягкой и теплой постельке, меня не может свалить никакое сильнодействующее снотворное. А в кино-театре – без проблем. Десять рублей за вход, мягкое кресло в левом углу последнего ряда, пятнадцать минут – и я уже по ту сторону Добра и Зла...

...Мой друг, русско-еврейский художник (сам он называет себя евро-русским), через две недели уезжает в Германию.

– Неделю будем пить по-черному, – говорит он. – Пока полностью не сдохнем. А на третий день – верь мне! – мы обязательно, просто категорически воскреснем.

– Надеюсь, не без помощи хорошего пива, – добавляю я.

Его художественный псевдоним Артур Радужный. Может быть, слышали? Между прочим, талантливый художник, с «проблесками генитальности», как опечаталась в статье о его творчестве наша «Вечерка». А настоящая фамилия – Батаев, Семен Батаев. Скажем честно, в настоящей фамилии Семена мало чего как от арийского духа, так и от иврита, я уж

не говорю об идише. «В России четыре самых распространенных русских фамилии, – любит говорить мой номенклатурный папочка. – Иванов, Петров, Сидоров и Рабинович: большая русская правда – это маленькая еврейская кривда. Только об этом, сынок, – ни-ни».

На улице зябко и холодно.

То снег, то дождь. Кругом желтые листья. Валюта осени, на которую не купишь ни одного теплого денька.

С неба на черную горбушку земли сыплются похожие на соль острые крупинки снега. Суровая нынче пища у матери-природы.

Часам к шести вечера мы обычно собираемся в тусовской кафушке «Тяжелая Лира». Едим пельмени в грибном бульоне и запиваем их светлым крепким пивом «Балтика» номер девять. Мы – мой коллега, газетный репортер Мотя Строчковский. Напротив Моти, уставившись в потолок невидящим взором, закинув ногу на ногу, сидит полубезумный художник Макс Медведев по кличке Пигмалион. Слева от него Сэм, то есть Семен, а рядом с ним я, которого все зовут Глебom Борисовичем. Мне в этом году исполнилось тридцать, то есть пошел четвертый десяток. «Пора тебе обзаводиться именем и отечеством», – сказал мне Нестор Иванович Вскипин, редактор газеты «Вечерний Волопуйск», в которой я работаю.

– Что ты, русско-еврейский художник, будешь делать в Германии? Ты же, блин, ни хрена не умеешь, – пытается

завести М. Строчковский элегически настроенного сегодня Семена.

– Не еврейский, а евро-русский, – подняв маленький и толстый указательный пальчик, поправляет его Семен. – Как что? То же, что и здесь. Валять дурака, – и, допив одним глотком третью кружку, продолжает: – Только тут я валял русского дурака, а там буду немецкого.

– Фрицы, Сэм, – народ хоть и воспитанный, но умный. Они тебя будут терпеть ровно месяц, а потом выбросят обратно. А два раза в одну родину не войдешь, – продолжает гнуть свое М. Строчковский.

– Два не войдешь, а три можно, – вяло бросает Семен и внимательно смотрит на входную дверь, в которую уверенной походкой входит наш общий знакомый, известный в городе Волопуйске предприниматель Егор Банин. На нем длиннополое стильное пальто, расстегнутое нараспашку, длинный белый шарф а-ля Остап Бендер, дорогой, по современной моде, пиджак. Здороваясь с нами за руку и присаживаясь на свободный стул, он не перестает разговаривать по сотовому.

– Дело в том, Семен, – подначиваю уже я, – что немец может спокойно жить, например, в Америке. Американец спокойно сможет прожить всю жизнь в Германии. А вот русский нигде, кроме как в своей засранной России, нормально, без срывов и истерик, жить не сможет.

– Хорошо, хорошо, я скоро приеду, дорогая, – говорит по

мобильнику Банин. – Ну все, хорошо, ладно, успокойся, да, понял, нет, потом, я скоро приеду, да, выхожу из эфира, целую в попку и во все губы, пока. Черт!

– Егор, возьми нам еще по кружке, я тебе с первых немецких гонораров отдам, честное баварское! – ловко напрягает его Семен.

– ...Та-а-к, значит... штука баксов.

– Не понял, – как бы испуганно и удивленно говорит Семен.

– Не ссы, это я о своем, о сокровенном. – Банин уже что-то мучительно высчитывает на калькуляторе. Он жестом делает заказ бармену: – Гуляй, босота...

– Это богема, она вымирает, – говорит Семен и указывает на нас. – А это Багамы, они процветают, – уважительно тыкает он вилкой с насаженным на нее пельменем в задумавшегося над калькулятором Банина.

«Вчера весь вечер перечитывал пейджер. Много думал», – вспомнил я старый анекдот о новом русском. У Банина плоское, как лужа, лицо, и в этой луже плавают два огрызка глаз рядом с тухлыми помидорами толстых губ. Хитрое лицо тувинского шамана.

За это огромное плоское лицо в школе его звали «Парус». Редкий темный ежик волос. Теперь те, кто глумился над Баниным, работают у него подсобными рабочими. Банин зла не помнит и всегда вовремя платит им гроши за тяжелую и грязную работу.

В 70-80-х годах Банин фарцевал на барахолке, кидал народ – продавал американские джинсы, упаковывая их по одной штанине в фирменные пакеты. В начале 90-х у него уже был небольшой киоск звукозаписи, в котором продавались пиратские аудиокассеты с записями зарубежных и отечественных звезд эстрады и рока.

Потом он увеличил свой капиталец на обычном человеческом дерьме, став хозяином нескольких первых кооперативных туалетов в городе. Далее – шоп-туры в Китай и Турцию. И вот вам новоиспеченный миллионер, хозяин обновленной России.

Поговаривают, что Е. Б. даже собирается баллотироваться в Государственную Думу. А если бы не этот бардак в стране – работал бы Е. Банин грузчиком на каком-нибудь арбузо-линейном заводе имени Павлика Морозова.

Обычное дело: один идет в гуру, а другой – в гору, и карма в конце концов превращается в кормушку.

– Семен, Густав Майринк про тебя знаешь что сто лет назад сказал? Вы, русские, пардон, евро-русские, как солнце – восходите на Востоке, а заходите на Западе, – торжествующе провозгласил тост М. Строчковский, когда принесли заказанное Баниным пиво.

– Да-да, искать себя нужно на том пути, на котором тебя нет, – неожиданно напомнил о себе Макс Пигмалион. «Макс уже ушел, но тело его осталось», – иронизируем мы по поводу его присутствующего отсутствия. Высокая болезнь в низ-

кое время. Одно слово – ангел чернорабочий.

Макс называет себя неоклассиком. Абстрактное искусство, говорит он, это когда совершенно непонятно, почему синяя гусеница вылезает из красного утюга, а не наоборот.

Когда-то у него была не голова, а башня из слоновой кости.

Но рано или поздно все башни начинают течь, даже если они из слоновой кости.

В начале перестройки Пигмалион не вылезал из-за границы: бесконечные выставки, вернисажи, конференции. Это по поводу его кто-то сказал, что все новое – это хорошо забытое русское. Во Франции один сезон на него была настоящая мода. Скупали все, что выходило из-под его кисти. Потом мода прошла.

В Париже с ним случилась странная, полутаинственная история... Естественно, в ней была замешана женщина. Очаровательная женщина. Француженка русского происхождения или русская с французскими корнями, точно этого не знает, наверное, никто. Но у Макса были серьезные проблемы, в смысле с визой для путешествия во времени. У него болела голова, а потом она прошла... Потом его голова навсегда прошла мимо него.

– Макс, ты будешь оправданием нашего бездарного пребывания на этой грешной планете, – обычно говорит ему Семен при встрече. Дружески похлопывает по плечу, уверяет,

что гордится дружбой с таким человеком. Но денег Максиму взаймы никогда не дает.

— ...Красиво, но неправда, — размешивая ложечкой кофе, говорит кому-то по мобильнику Банин. В этот момент у него где-то в районе ширилки начинает пищать пейджер.

— Выпьешь с нами? — спрашивает Мотя у Е. Банина.

— Я за рулем.

— Э, за рулем у нас только Господь Бог, все остальные — в кузове, — вставляет Сэм, — так что поддержал бы компанию...

— У меня ночная работа, — Е. Б. читает послание на пейджере. Он тверд и непреклонен. (Нам становится стыдно за бесцельно прожитые годы.)

— Опять, что ли, баксы рисовать?

— Рисуют мои негры, а моя работа — правильно посчитать.

Банин допивает кофе и, прослушав последнее сообщение по сотовому, уходит срочно отправлять факс не то в Никарагуа, не то в Анголу.

— Совсем нет времени на дружбу, — извиняется на прощанье Е. Б. — Все кручусь и кручусь, деньги надо зарабатывать.

— А вот у меня совсем нет времени зарабатывать деньги, — приходится все время дружить... — вздохнув как бы с сожалением, говорю я оставшимся за столом.

— Давай, Семен, последнее слово Мавра, — просит Мотя Строчковский, когда за Баниным закрывается входная дверь.

— Что я вам могу, ребятки, пожелать? — начинает задум-

чиво и многозначительно Сэм. Сейчас у него вид патриарха еврейского рода. – Жить. Жить для родных и близких. И по возможности не делать карьеры.

– То есть не быть лучшим? – уточняю я.

– Почему? Быть. Быть лучшим, но не быть первым. Мудрый всегда отстаёт. Быть лучшим – не значит ведь быть первым.

...Как только Егор Банин вышел на улицу, где моросил противный холодный дождик попеременно со снегом, а желтые листья бросались в глаза прохожим как назойливая реклама осени, у него на поясе опять запиликал пейджер. «Блин, как раз вовремя», – зло подумал Е. Банин, выключая дистанционником сигнализацию и забираясь в свой «Лэнд-Крузер».

Прогревая мотор, он прочитал послание:

«Е. Банину. Встретишь предпринимателя по имени Будда, постарайся сделать все, чтобы он исчез. Навсегда.
О. М.»

Банин перечитал послание еще раз и задумался.

Четко, как метроном, отстукивали время дворники на ветровом стекле джипа. Время для Е. Банина. Мимо «крузера» прошел, сильно хромая на левую ногу, какой-то бомжара в жутком тряпье, похожем на разодранную монашескую рясу, поверх которой была надета зоновская фуфайка с тор-

чащей из дыр ватой.

Через несколько секунд у джипа по совершенно необъяснимой причине одновременно лопнули все четыре камеры колес. Ошеломленный Е. Банин вместе со своим «Лэнд-Круйзером» осел в лужу.

– А теперь выпьем за невозвращение, – Семен вошел во вкус, и роль главы семейства, наставляющего молодняк на путь истинный, ему явно понравилась. На столе откуда-то появилась бутылка водки. (Кажется, взяли у бармена в долг, под запись.)

– Не понял, – Мотя Строчковский сквозь очки метит-ся своими хромыми глазами в Семена. – Если можно, про невозвращение – чуть подробнее.

– Выпьем за тех, кто не возвращается, идя к своей цели! – возвышает голос до настоящей патетики Сэм. – Ибо возвращение означает поражение.

– А если цель покорена – все равно не возвращаться? – уже после того, как выпили, не унимается Строчковский.

– Если цель поставлена правильно, она не может быть покорена.

Семен закусывает последним лежавшим на тарелке бутербродом с копченой колбасой:

– Я говорю о настоящей, высокой цели. Иначе это не цель, а программа-минимум для студентов-заочников института пищевой промышленности.

С Сэмом мы познакомились года три назад на какой-то

авангардистской выставке, вернее, на фуршете, последовавшем за ней. Невысокий, узкоплечий, лысеющий, с брюшком, глаза навывают. Говорит вдохновенно, увлеченно жестикулируя руками. Такие нравятся публике и журналистам. «Типичный пройдоха от искусства, – подумал я. – Но тем, наверно, и ценен матери-истории...»

Помню, я тогда здорово надрался и, как все молодые и неизвестные, но жаждущие славы журналисты, вел себя откровенно вызывающе.

Семен подошел ко мне вплотную, пихнул меня своим животом, вытаращил глаза и тихо, но зловеще спросил:

– Ты кто?

– Если недопью – то Маяковский, а если перепью – то Есенин, – нахально ответил я.

– Ты как водку пьешь, стаканами?

– Да.

– А я неделями, – припечатал Сэм.

Мы подружались.

– Мне 39, – говорит Сэм, – но выгляжу я старше.

– Может, это из-за водки? – интересуюсь я.

– Точно! Моей печени уже лет 70.

После выставки, дабы закрепить наше знакомство, мы отправились бухать в мастерскую Сэма, захватив с собой двух молодых художниц. Девки были без комплексов, настоящие авангардистки. Двое надвое – мы неплохо пошпилились. Ху-

дожницы, поклонницы раннего Энди Уорхола, Баскии и всей лионозовской барачной школы, после дополнительных двух батлов водки, не ломаясь брали висячку на клык, давали в треугольник и в попенгаген.

Потом мы с Сэмом поменялись партнершами. Девки не возгудали – раз надо так надо. Тем более что им-то какая разница: на глазах у девок мы померились с Семеном родилками. В длину и ширину наши приборы были практически одинаковыми (плюс-минус полсантиметра). Их же дело было подставлять свои скважины и отверстия, расслабиться и постараться получить удовольствие. Все путем, девки, говорили мы, все идет как надо.

Я из тех, кто не любит брать взаймы. Я предпочитаю красть. Красть менее унижительно, чем брать в долг, и больше похоже на работу. А Семен из тех, кто позволяет другим беспрепятственно красть у себя деньги, вещи, идеи, мысли. «Никаких целей, никаких накоплений, никакой собственности – ничего, о чем можно было бы сказать: мое. Все, что есть, потратить в этой жизни. Здесь и сейчас».

Древние греки это четко просекали:

«Кто крадет ради хлеба, тот прав, и не прав, кто крадет ради злата».

ПРОБЛЕМА ПРАВА И ПРОБЛЕМА ЛЕВА

Вылетев с треском и скандалом из местного университета, я по протекции отца устроился работать репортером в ежедневную городскую газету, в отдел культуры. В обязанности нашего отдела главным образом входило давать советы обывателям, как им лучше провести досуг в вечернее время и выходные.

Короче, я со своим ироническим складом ума веселился как мог, отправляя наших жителей отдыхать куда подальше. Так, пересекаясь на фуршетах по поводу всевозможных презентаций, открытий выставок и юбилеев, произошло наше с Сэмом окончательное единение на почве общих увлечений: модерн в искусстве, хорошенькие юные студентки да доброе застолье с обильной выпивкой и закуской.

– Человек – это кем-то преждевременно подведенный итог Богу, – вещал Семен Батаев на своих выставках изящным студенточкам из художественных училищ. – Дьявол наделал в кабаке долгов, а когда пришло время платить по счету, заплатил Богу человеком. Монета сия, как и положено ей быть в данном контексте, оказалась фальшивой. С тех пор никто не ищет истину, все ищут доходное место.

Студенточки просили у него автограф, за которым прихо-

дили к нему на минуточку в мастерскую и оставались там до утра.

АВСТРАЛИЯ (Australia, от лат. Australis – южный) – материк в Южном полушарии. Столица – Канберра. Глава государства – Королева Великобритании. С конца XVIII века территория Австралии использовалась как место ссылки преступников со всего мира. С середины XIX века в связи с открытием золотых россыпей возросла иммиграция. Коренное население, аборигены, почти полностью уничтожены колонизаторами.

АВСТРАЛИЙСКАЯ ДЕПРЕССИЯ – область пониженного атмосферного давления на севере материка. Обусловлена сильным нагревом суши, особенно летом.

«АВСТРАЛИЯ» – жаргонное название самой знаменитой психиатрической лечебницы России, находящейся в курортной зоне города Волопуйска.

Лечебница основана в конце XVIII века. На ее территории расположен крупнейший в стране Музей истории отечественной психиатрии (как его метко окрестили в народе – «Музей российского сумасшествия»).

Психушку прозвали «Австралией», потому что летом, проезжая по горной дороге, выходящей над лечебницей, видишь, что ее здание, утопающее в зелени огромного сада, по форме действительно напоминает этот континент.

Много уважаемых людей, бунтарей, писателей, ученых побывали в «Австралии». Одна диссидентка, теперь известный политик Калерия Стародворская, даже написала книгу, ставшую в конце 80-х годов бестселлером, «Бегство из „Австралии“».

«АВСТРАЛИЙСКАЯ ДЕПРЕССИЯ» (среди психиатров принято сокращение – «А. Д.») – психиатрический термин, введенный в научный оборот в конце XIX века врачом-психиатром Антоном Дмитриевичем Бахтеевым. Описание основных симптомов «АДа» см. в «Настольной книге психиатра», Москва, изд-во «Медицина», 1995.

– Привет австралийцу!

Я оглянулся на голос. На остановке стоял незнакомый мне молодой человек лет двадцати пяти-тридцати. Подстрижен налысо, идиотская беззубая улыбка, косые, как у актера Савелия Крамарова, глаза.

Я подумал, что этот кретин просто обознался, и, отвер-

нувшись, отошел в сторону. Скоро должен был подойти мой автобус – я ехал из университета домой.

– Привет, говорю, Глеб, ты не узнал, что ли?

– Нет.

– Мы же с тобой вместе в одной палате лежали. Я Леха Самовар, смотри!

Он как-то неестественно надулся, выпятил живот, уперся в бока руками и вправду стал похож на некий уродливый самовар.

– Раньше я еще свой краник доставал и кипятком писал, а теперь нет, – по-приятельски подмигнул он мне. – Разве что если очень просят... Девчонки, например, из моего двора... Ну, а ты-то как, избавился от глюков? – своими косыми глазами он пытался поймать мой взгляд.

Как раз подошел автобус.

(Далее – затемнение. – Затемнение и курсив мой.)

МОЙ СОН – МОЯ КРЕПОСТЬ

Опять сильно болела голова. Я перепробовал массу лекарств, все, какие знал, народные средства, наконец перешел на антинародные.

Ночью я наглотался снотворного, и мне приснился сон, что у меня шесть рук и шесть ног. Я никак не могу с ними справиться. Они не слушаются меня, управляться с ними стоит мне неимоверных усилий. Казалось бы – шесть рук! Но мне они были только в тягость. В этой борьбе с самим собой я выбился из сил и проснулся совершенно разбитый, с еще более сильными головными болями.

Пошел на кухню, заварил себе очень крепкий кофе. Немного отлегло.

Боли в височной и лобной долях головы – это мое наказание на всю жизнь. Еще с детства. Поэтому, не буду врать, снотворное помогает мне не всегда. Чаще всего я пользуюсь средствами посильнее. Например, морфоскополоамином.

Могу похвастаться: я его изобрел сам. Когда отсутствие сна длится по несколько недель и я начинаю понимать, что если сегодня не усну, то просто сойду с ума, я делаю себе препарат, содержащий 1/6 мг морфия и 1/100 мг скополамина. Эффект превосходит все ожидания. Крепкий сон, потрясающие цветные сны с сюрреалистическими сюжетами, и утром чувствуешь себя более или менее отдохнувшим. Но

возможны, конечно же, непредсказуемые ситуации и, скажем так, странности в поведении.

Что еще вам посоветовать от бессонницы? Телепатин. Виртуальная реальность откроет перед вами свои двери. Вы улетите так, что ветер перемен сорвет с вас не только шляпу, но и крышу.

Зато уж сон будет крепким. Вы пройдете сквозь скорлупку окружающей реальности, более того, вы пройдете сквозь скорлупку собственного сна и...

Скажу честно, я не знаю, где вы можете при таком раскладе оказаться. Но бессонница на сутки будет побеждена.

Если не помогают ни морфоскополамин, ни телепатин, то остается последнее радикальное средство. Я говорю о кокаине, «самом радостном наркотике, который я когда-либо употреблял», как признался мне в сходной ситуации Уильям Берроуз. Кокаин активизирует центры удовольствия в вашей башке. Если и не выспитесь, то хоть не бездарно время проведете. (В отличие от алкоголя, сон которого порождает чудовищ.)

В «Лучшем Мире» сегодня крутят какой-то новый фантастический фильм. Называется он «Армагеддон», с Брюсом Уиллисом в главной роли.

Народу побольше, чем обычно, но зал все равно практически пуст. Это хорошо.

Я сажусь в угол предпоследнего ряда. Свет медленно гас-

нет. Вокруг меня почти библейская темнота. Не помню, кто сказал, что кино – это медленное приготовление к смерти.

Пятнадцать минут я слежу за сюжетными перипетиями.

Но довольно. Ритуальный зевок. Глаза слипаются. Мне пора спать.

ПО ТУ СТОРОНУ ДВЕРИ

Этот кошмарный образ мучил меня с самого детства. Первый сон, в котором он появился, выглядел так.

Мы идем с моими друзьями детства по какому-то темному лабиринту и несем на своих спинах настоящий, очень старый, открытый гроб. По сюжету сна мне известно, что нам поручено похоронить в этом бесконечном лабиринте странного персонажа, которого зовут Одноногий Монах. Кто он такой и почему именно нам поручено его запрятать в лабиринт – мне непонятно.

Перспектива сна выстроена так, что я, несущий гроб не в первой, а во второй паре, смутно вижу только длинноно- сый профиль этого мертвого человека да еще его волосатую левую руку, на безымянном пальце которой заметен громад- ный золотой перстень с пентаграммой. И как-то очень уж сильно, с несвойственной, в общем-то, мне непреодолимой алчностью хочется иметь такой же.

Гроб довольно тяжелый, мы устали его тащить и нако- нец делаем остановку. Мои приятели уходят в какой-то за- коулок помочиться, я же начинаю осматривать сырые стены лабиринта, все исписанные непонятными знаками, буквами и символами. И вдруг – странное, едва уловимое дуновение за моей спиной.

Я резко оборачиваюсь и вижу, что – о, ужас! – гроб пуст!

Я начинаю кричать. На мой крик прибегают, застегивая на ходу ширинки, приятели и ошолобенело хлопают глазами.

Нас охватывает паника. Мы бросаемся бежать кто куда. Вдвоем с самым близким другом нам удастся заскочить в попавшуюся на пути подсобную комнатенку с массивной деревянной дверью. Но, увы, на двери нет засова!

Мы подпираем ее телами, и тут же я чувствую, как с той стороны на дверь наваливается кто-то, обладающий нечеловеческим весом и силой.

И вот эту смертельную усталость, которую я вдруг почувствовал в борьбе с тем, кто был по ту сторону двери, я не забуду никогда. Помню, что мы с приятелем стали дико орать, кажется, просили о помощи.

Тщетно. Мы догадывались, что помогать нам некому. Остальные наши друзья либо мертвы, либо безнадежно далеко отсюда.

Мы изо всех сил держим эту проклятую дверь, пыхтим и задыхаемся, но дверь все равно медленно отходит, приоткрывается, на один сантиметр, другой, третий...

А дальше произошло то, благодаря чему я и запомнил этот сон. В образовавшуюся щель протискивается волосатая рука с огромным золотым перстнем и пентаграммой на безымянном пальце. В этот момент я так закричал от страха, что проснулся...

С тех пор я стал собирать любую информацию, связанную с Одноногим Монахом. Но больше всего в моих поисках мне

помог, конечно же, Семен, облазивший для меня после отъезда на Запад все европейские библиотеки.

ОШИБКА ИМЕНИ МЕНЯ

Моей первой женщиной была Гульнара. Это была кукла моей двоюродной сестры. Мне было одиннадцать, я был не по годам развитым мальчиком. Кукла была импортная, нерусская, но все равно мне непонятно, почему сестра назвала ее Гульнара. Хотя в принципе имя кукле подходило, было в ней что-то восточное. При всем ее правдоподобию (размеры и пропорции, материал, из которого она была сделана, густые черные, как будто натуральные, волосы) единственным отверстием у нее был рот с яркими красными губами. Она говорила: «Ма-ма», а я в это время пихал свою пипиську ей в рот.

В школе, до класса седьмого-восьмого, я дружил со своей соседкой по площадке Таней, глухонемой девочкой. Пожалуй, у нас было что-то даже похожее на любовь.

Рядом с нашей многоэтажкой располагался парк культуры и отдыха. Официально он именовался «Юбилейный», но народ звал его «Пороховым», так как, по местным легендам, раньше, в 30-е годы, там стояла войсковая часть (а потом, в конце 40-х, было захоронение почему-то именно японских военнопленных времен Второй мировой войны).

Вечерами на танцплощадке, обнесенной высокой металлической сеткой, устраивались молодежные танцы. Нас, естественно, еще не пускали внутрь «загона», поэтому мы

развлекались со своими сверстниками возле танцплощадки.

Обратно возвращались достаточно поздно, где-то в начале двенадцатого ночи, благо что наша девятиэтажка стояла совсем рядом с парком. Остановившись в темной парковой аллее, уже практически на выходе, мы стали с ней целоваться. Не помню, может быть, даже первый раз за все время дружбы.

...Их было человек пять-шесть. Я даже не заметил, как они подошли к нам. Резким ударом меня повалили на землю.

– Как тебя звать, сучка? – спросили они у нее.

Она, ничего не понимая, вопросительно и испуганно смотрела на них и молчала.

– Она немая, – встрял я и тут же получил пинок ботинком в пах.

– А тебя, козлина, не спрашивают. Хочешь остаться с яйцами – лежи и молчи.

И я лежал и молчал, пока они глумились над ней.

– Не хочешь с нами разговаривать, гордая, значит?

– Не уважает, молчит, как Зоя Космодемьянская.

– Щас заговорит.

Они избили ее, содрали платье, по очереди изнасиловали.

– Ты поглянь-ка, все равно молчит. А дай-ка я ее огоньком подпалю.

Жгли зажигалкой и окурками. Потом опять насиловали, засовывали во влагалище пивную бутылку, мочились на нее, избивали ногами. Сначала я все это видел, а потом в голове

что-то рухнуло, обвалилось, кажется, я в бешенстве заорал, удары посыпались на меня со всех сторон, и я потерялся в хаосе каких-то безумных звуков, слов и цветов.

Назад в этот мир я вернулся только через год. Я совершил свое грустное путешествие в «Австралию». И теперь Австралия всегда будет тянуть меня к себе, как вторая родина.

...Труп Тани нашли через несколько дней после тех трагических событий совершенно в другой части города. Ее родители с трудом смогли опознать в изуродованном до неузнаваемости куске плоти тело своей дочери...

...Я очнулся от того, что пожилая билетерша трясла меня за плечо:

– Молодой человек, сеанс давно закончился. Вставайте, вам пора уходить.

Мне пора уходить.

Я встал и вышел из зала кинотеатра на улицу. Здесь зябко. Зевая и поеживаясь, пытаюсь сбросить с себя остатки сна, я подошел к афише «Лучшего Мира». Что я там сегодня проспал? Ага, «криминально-психологический триллер о современной российской жизни с элементами жесткого реализма, поставленный известным кинорежиссером новой волны Евстигнеем Даниловым». Ну, ясно, я так и думал. То-то мне кошмары снятся...

ДАЛЕЕ

Главный герой выходит на трассу, закуривает сигарету, голосуя, поднимает руку и ловко ловит пролетающую мимо чайку. Водитель «Чайки», ломаясь и упирая то на дороговизну бензина, то на коллекционную модель автомобиля, все же сбрасывает цену за проезд почти наполовину.

Главный герой называет адрес в самом златном районе этого таинственного городка. Водитель нашел на шкале приемника любимую радиостанцию. Радио «ЕВРОПА ПЛЮС АЗИЯ», *главный герой* ее тоже узнал. Звучит музыка Карла Орфа. «Кармина Бурана», солируют Элвис Пресли и Дженис Джоплин. А потом *главный герой* вместе с водителем с удовольствием слушают хит прошлых лет «Dead Bydha!» теперь уже полузабытой панк-группы «Детдом Для Престарелых Убийц».

– Я был хорошо знаком с солистом этой панк-банды, – как бы между прочим и неизвестно кому говорит *главный герой*.

Долгая пауза, которую заполняет только музыка из автоприемника.

– А вы когда-нибудь слышали хор немых девушек? – застает врасплох *главного героя* водитель «Чайки». – Нет? Наверное, вы полагаете, что они не умеют петь? Думаю, это не совсем так. Дело здесь в другом. Просто вы их не умеете слушать, не так ли?

Главный герой пораженно молчит.

– Тишину не перекричать. Попробуй ее перемолчать.

...И только шелест ветра в чужих купюрах. (*Затемнение.* – Курсив немой. Отныне – курсив совершенно немой, глухой и слепой.)

ЗНАНИЕ – СИЛА, НЕЗНАНИЕ – ВЛАСТЬ!

Первое упоминание о нашем роде относится ко времени Ивана Грозного, что зафиксировано как минимум в двух источниках: Псковской летописи Амвросия Деверя и Курском Мартирологе 1334 – 1826 годов.

Во время очередных семейных разборок Иван Грозный, разгневавшись, приказал повесить за косы на базарной площади свою шестую жену. Дело было зимой, и когда ее везли в саних на площадь, наперекрест им вылетели сани уже пятые сутки находящегося в загуле известного московского дебошира, боярина Юрия Ивановича, моего прапрапрадеда.

Вылетел-то он случайно да так врезался в сани с царской женой, что все разлетелось в разные стороны. Царская жена в одну сторону, палач и охрана – в другую, ну а сам Юрий Иванович, естественно, в третью.

Тут народ набежал, и пошла потеха! А как разгреблись, глядь, а царской-то жены и след простыл. Воспользовалась, стало быть, заварушкой.

Ну что тут делать? Кого-то же надо казнить, говорит Грозный, а то народ и вовсе распустится, перестанет правила дорожного движения соблюдать. Так и в царский кортеж кто-нибудь из новых бояр въедет. Короче, на кол его посадить!

И сразу отлегло от сердца царского. Женщина была спасена, наш предок вошел в историю так же лихо, как тот кол вошел в него.

С тех пор на нашем родовом гербе появился символ смертоносного кола, а девиз на латыни по диаметру гласил:

«Знание – сила, незнание – власть!»

Кол как бы разделял собой наш герб на две равные части: одна часть – до ссоры с сильными мира сего, другая – после ссоры. Чтобы никто из потомков рода не забыл обиды и позора, которые пришлось претерпеть нашему предку от Ивана Грозного.

Между прочим, в вузовских учебниках коммунистического периода для студентов-историков черным по белому писалось, что Юрий Иванович был одним из первых борцов с царским произволом и самодержавным деспотизмом. Это, кстати, в определенной степени определило процветание нашей семьи в противоречивые советские годы.

Еще одно заметное место в семейных преданиях занимали удивительные похождения другого нашего предка, знаменитого ловеласа, бретера и жуира Митьки-Колесо, прозванного так в народе за кривые ноги.

Дмитрий Федорович прославился тем, что, будучи в фаворе у Петра Великого, зачастил в спальню к Екатерине, впоследствии Великой. А все потому, что был у нашего Митяя детородный орган, по народным преданиям, «зело велик и умел».

Все шло хорошо, всем, в общем-то, нравилось, но вот однажды Петр Первый нашел в спальне своей жены серебряную пуговицу от парадного камзола, на которой был выбит наш родовой герб.

«Знание – сила, незнание – власть!» – прочитал Петр девиз на пуговице и – традиционно – впал в бешенство. «Стало быть, я давно уже не первый!» – орал Петр Первый. И, особо не утруждая себя разбирательствами, велел посадить Митьку-Колесо на кол. (Хотя кое-кто из придворных историков потом утверждал, что серебряную пуговицу с камзола Дмитрия Федоровича срезали и подбросили в спальню Петра Первого завистники, позже разоблаченные как участники масонского движения в России.)

Вот и Дмитрий Федорович вошел в российскую историю так же лихо, как тот кол вошел в него. А злополучная серебряная пуговица с тех пор передается из рук в руки как самая дорогая реликвия нашей семьи.

Сам камзол Дмитрия Федоровича хранится в запасниках Национального музея в Санкт-Петербурге.

Мой отец по партийной линии частенько бывал и в Москве, и в Питере. Без проблем заходил он и в запасники Национального музея. Так вот, он рассказывал нам, что на том парадном камзоле не хватает не одной, а двух пуговиц. Хранители говорят, что камзол изначально поступил в хранилище без двух пуговиц, это зафиксировано в описи от 18 июля 1838 года.

Что же дальше? А дальше наступает конец истории: появляюсь я, позор и проклятие славного рода.

Хотите знать, почему семейная реликвия, талисман, объект родового поклонения, та самая знаменитая серебряная пуговица никогда не достанется мне? Потому что, по мнению моего отца, я конченный неудачник. Я ленивый и нелюбопытный. Я прожигатель жизни и родительских денег, «которых, кстати, ты, ничтожество, никогда больше не получишь. Но у тебя, ленивого и нелюбопытного, слава богу, есть младший брат – надежда и опора нашего рода!».

У меня действительно есть младший брат. У нас с ним разница почти в десять лет. Представляете, какой ужас?

Мой отец в свое время сделал неплохую партийную карьеру. «Сегодня – это то завтра, о котором позаботились вчера», – ежедневно повторял он нам с братом за завтраком. (Но вся разница в том, что я, внимательно выслушав, делал все по-своему. А вот младший брат делал так, как папенька наказывали. Может, в этом моя вина? Я не научил его быть самим собой. А нужно ли ему это было? Не проклинал бы он меня потом, случись ему пойти в люди по моим стопам?)

Как всякий сильный карьерист, папик обладал выдающимся чутьем, нюхом на приближающуюся опасность. Он мог бы достичь еще больших партийно-номенклатурных высот, но...

Он поучал нас: высоко взлетишь – больно ударишься, ко-

гда будешь падать. А если я не хочу падать? – вопрошал я. Хочешь ты или не хочешь – все равно упадешь, если ты действительно высоко взлетел. Сам подумай, долго ли сможет провисеть человек между небом и землей? Слава – самое неустойчивое и ненадежное состояние. Старайтесь всегда быть посередине. Быть даже не вторыми, а, скажем, третьими, пятыми, чтобы, если что, было за чью спину спрятаться.

– Сначала нужно получить денежную профессию, а она впоследствии позволит тебе заниматься любимым делом, – наставлял он. – Я поднимался вверх через две ступеньки, но не через трупы! – всегда с пафосом заканчивал свой монолог папик.

С юности я возненавидел золотую середину и старался делать все, чтобы меня не приняли за расчетливого и умного середнячка.

Глупо? Глупо. Да будь ты горяч или же хладен, но не будь тепл. А теплого изблюю я из уст своих. Это Христос. Он тоже не терпел середины.

Благодаря наставлениям папика, я выработал для себя несколько максим, которыми стараюсь руководствоваться и по сей день:

1. Лучше пить пиво и водку, чем копить деньги на машину.
2. Лучше курить сколько хочешь и что хочешь, чем заниматься спортом только потому, что это модно.

3. Лучше каждый день драть на новую модель по ТВ, чем слушать нытье ставшей тебе ненавистной жены.

4. Лучше собирать пустые бутылки по помойкам, чем каждый день лизать зад начальству.

Ну так вот. Мой хитромудрый отец мог сделать просто выдающуюся партийную карьеру... И сейчас, всеми проклинаемый, прозябал бы где-нибудь на задворках нашего смутного и бездарного времени.

Но он сам остановил себя буквально на взлете. И когда начались известные события, связанные с горбачевской перестройкой, он без лишнего шума добровольно «ушел на хозяйство», а потом и вовсе, по примеру первых кооператоров, отделил себя от партийной машины (но никак не от партийной кормушки). И после августовского кризиса 1991 года с ГКЧП и прочим ему уже было куда отступить.

Затем всеобщая «прихватизация», во время которой отец, используя старые связи, знание, опыт жизни в этой стране, а главное – эксклюзивную информацию, поступающую от старых партийных корешей, за несколько месяцев гайдаровской неразберихи сделал себе баснословное состояние.

Вы спросите, что в эти годы делал я? Я вел жизнь постсоветского плебоя, богатого молодого бездельника и лоботряса (кстати, тогда я научился трясти не только лбом, но и другими, особо значимыми частями мужского организма). Жили мы в ту эпоху в крупном городе в Центральной России

(между прочим, мои родители и младший брат до сих пор там живут). Так вот, я тоже добился некоторых значительных результатов. Например, разбил новенький отцовский «мерседес», сев за руль «в состоянии сильного алкогольного опьянения», как было написано в милицейском протоколе, а затем перепечатано во всех местных газетах.

Моя тогдашняя подруга к тому времени была уже немножко беременна. Она имела такую большую грудь, что могла бы ею спокойно выкормить, как младенца, нашу планету. Когда она садилась в автобусе на последнее сиденье, грудью она упиралась в окно водителя.

Да, она считалась девушкой крупной комплекции. Я мог любить ее только частями, законченными фрагментами, на весь вес сразу меня не хватало. Думаю, одна ее фотография весила килограммов восемьдесят. Девушка со следами лошадиной фамилии на лице. Просто удивительно! Но тогда у меня был такой, еще не устоявшийся, юношеский вкус.

Короче, я был не против стать отцом. Но, как оказалось, решительно против этого были мои и ее родители. Мы думали, что дело идет к свадьбе, а все закончилось банальнейшим абортom. Отец заплатил ее родителям за моральный ущерб материальную компенсацию. Они еще дети, решили наши предки, и не ведают, что творят.

КУРТ КОБЕЙН – ЭТО НЕ ВЫХОД! (ПУЛЕВОЕ ОТВЕРСТИЕ – ЭТО БЫЛ ВХОД)

Из местного универа я ушел довольно скоро. Увы, искренне сочувствую себе, но ни молодого папаша, ни молодого юриста из меня не получилось.

Кстати, вы знаете, как я ушел из универа?

Нет?

Да ну! Не может быть! Такая грандиозная история. Об этом вся студенческая – не побоюсь этого слова – пиздобратия страны до сих пор говорит.

Как сейчас помню ту итоговую лекцию по международному праву. Значимая такая лекция. В аудитории – тишина, слышно только как ангелы ебутся.

В кульминационный момент, когда профессор зашелся в экстазе, рассказывая о Первой поправке к американской конституции, а студенты, высунув языки, остервенело фиксировали этот профессорский словесный пердеж, я встал во весь рост. Заметьте, сунул тетрадку в карман пиджака. Обратите внимание, прошелся через всю аудиторию, мимо замершего на полуслове профессора и, между прочим, вышел.

Потом я спустился по лестнице с четвертого этажа, толкнул стеклянную дверь и...

Больше я туда не возвращался. Попробуйте, у вас тоже наверняка получится.

Все это и многое другое, что свойственно непоседливым юношам в период их полового созревания, мне бы, пожалуй, и простилось, если бы я, отрекшись от своего дурацкого максимализма, все-таки принял религию моего отца. Религию «Золотой Середины». Но я в это время прочно увлекся литературой, философией и историей мировой культуры. А это намного усложняло мое вхождение в свободный рынок.

Вот мой младший брат – он другое дело. Он из породы земноводных тараканов. Он мутант, который выживет при любых условиях. На необитаемом острове, без рук, без ног и головы он будет помнить, как работает бизнес.

В принципе я ему даже немножко завидую. Пусть он из поколения так называемых отморозков. Пусть его сверстники выбрали для себя путь не духа, но тела, зато у них есть энергия, жажда жизни (красивой жизни), здоровый цинизм и спортивная злость. Эти пойдут по головам, если кончится нормальная дорога. У них не пролезет всякий там романтизм, сюсюканье под луной, сантименты, охи-вздохи, хухры-мухры и прочие шуры-муры. Они знают, что все имеет свою цену, изменить которую может только инфляция. По крайней мере, в этом они правы.

Да, кстати, чтобы уж больше не возвращаться в пыльные

семейные склепы, скажу два слова и о материнской линии нашего рода. Здесь мы обнаруживаем факты еще более интересные и увлекательные.

Ее предки тоже были из потомственных дворян. А это, как вы, наверное, знаете из школьной программы, в советские времена основательно усложняло жизнь в СССР.

Прадед, тот вообще числился белым офицером, вроде бы сражался в армии не то капитана Врунгеля, не то барона Врангеля и уплыл из Одессы к турецким берегам на последнем пароходе, оставив беременную жену у своих родственников-одесситов. Впоследствии разбогател, создав первую и единственную киностудию по производству порнофильмов на сюжеты из русской истории.

Киностудия называлась «Русское Порно», и среди эмигрантов до сих пор бытует мнение, что именно он переделал известное выражение «Ни войны, ни мира, а армию распустить!» в «Ни войны, ни мира, а нравы – распустить!».

Хотя, мне кажется, это просто злословие завистников.

Так вот, листаем дальше. Дед, отец матери, во время Второй мировой, в 42-м, вступил в освободительную армию Власова, искренне веря, что, после того как фашисты очистят Россию от большевиков, будет восстановлен нормальный ход вещей. Однако все обернулось иначе. В 45-м в Германии он попал в плен к американцам, был вывезен в Штаты, где и умер несколько лет назад, до конца своих дней боясь, что его выкрадут чекисты, увезут в Россию и подвешат

за жабры.

В том же победном 45-м наша мудрая бабушка-красавица, породистая такая светская львица, вторично вышла замуж за контуженого и израненного героя Отечественной войны, вскоре выродившегося в среднего областного партийного работника. Но своим решением бабушка спасла от позора, а возможно, и от смерти в лагере себя и своих детей.

Мама, следуя заветам своей матери, нашей мудрой бабушки, также из чувства самосохранения вышла замуж за партаппаратчика, мелкого карьериста, номенклатурного жука, бюрократического червя хрущевско-брежневской формации. Между прочим, я говорю о своем отце.

Вот из такого, мягко говоря, человеческого варева и появляются чудовища вроде меня или моего братика.

Короче, bad boy, очень бэд и очень бой.

Универ побоку, «мерс» всмятку, подругу отправили в абортарий, мама упала в обморок, папа впал в бешенство, младший брат у себя в комнате составлял учебный бизнес-план для зачета в финансово-экономическом колледже, а я, насвистывая мелодию из фильма «Крестный отец», стал собирать вещички на деревню к чертовой бабушке.

Радио «ЕВРОПА ПЛЮС АЗИЯ»:

«Юноши играли в баскетбол в спортивном зале

школы № 5 в подмосковном городе Пушкино. Поиграли, пошли в раздевалку. Неожиданно в окно просунулось дуло пистолета. Раздались выстрелы. Трое юных спортсменов тяжело ранены, находятся в реанимации.

Ответственность за эту террористическую акцию взяли на себя последователи международной секты-банды «Тренч-коат мафия», главная цель которой – уничтожение негров и спортсменов».

ИГРА В ГЛУХОЙ ТЕЛЕФОН. ЧАС ПРЯМОГО ПРОВОДА

Я стоял в телефонной будке и отчаянно блевал.

Сначала были поминки по какому-то засухарившемуся саксофонисту-гомосексуалисту, вздернувшемуся в сортире над унитазом после того, как его друг женился на рабочем и крестьянке в одном теле. А потом приехал этот самый друг с ящиком водки и дюжиной шампанского и объявил, что у него только что родился сын. И поминки по русской традиции плавно перетекли в именины.

– Сын на кого похож? – поинтересовались мы.

– Обижаешь! Она у меня красавица! Пользуется успехом.

– Так на кого сын-то похож? – не унимались мы.

– На кого, на кого! – вдруг взорвался он. – На квартиранта, блин. Комнату у нас снимал, ботаник херов. Вежливый, жена призналась, что он трахнул ее, объясняя способ размножения пестоцветных растений. Лютики, ландыши, ласки любовные... Встречу – как сорняк выкорчую.

Я как-то непредусмотрительно намешал водку с шампанским, после чего мы заехали в ночной пивбар и традиционно залакировали все это дело темным пивом.

И вот теперь я стоял в телефонной будке и отчаянно блевал на свои тупоносые, по нонешней моде, фирменные, меж-

ду прочим, ботинки.

В глазах плыло, свет в будке был желтый и мутный. На одной из стен телефона-автомата фломастером кто-то аккуратным ученическим почерком вывел:

«Даю в зад и сосу у больших негров. Фирма „Сосулька“, спросить Шарлотту».

И номер телефона.

Я был основательно пьян и, так как решительно не мог вспомнить ни одного знакомого телефона, несколько раз промахнувшись мимо цифр, все-таки набрал указанный номер.

– Извините, куда я попал? – вежливо поинтересовался я, когда женский голос ответил мне «да».

– В жопу пальцем, – так же вежливо проворковал мне голосок. – А вы куда метили?

– Не поверите, но ваш телефон я прочитал на стене телефона-автомата в очень неприличном контексте. (Здесь меня опять начало штормить, и я, закрыв трубку ладонью, блевал дальше, чем мог увидеть.)

– Я знаю. Просто я поссорилась со своим другом, и он пишет обо мне всякие гадости везде в городе, на всех стенах и углах.

– Наверное, он вульгарный тип, потому что он пишет о вас просто ужасные вещи. Он называет вас Шарлоттой, и еще здесь про негров как-то очень уж натуралистично... (Одеревеневшие губы не слушались меня, к тому же я, как на-

зло, начал икать. Это нервное, подумал я, зажимая в очередной раз трубку. Но запах! Господи, как ужасно воняют теперь мои фирменные тупоносые ботинки. Хорошо, что запах не передается по телефону.)

– Да нет, он хороший. Просто я его действительно жестоко кинула.

Девушка, видимо, большая оригиналка, подумал я, и вновь спросил:

– А как вы его кинули, если не секрет?

– Секрет. А вам что, поговорить не с кем? Звоните в два часа ночи.

– А про негров это тоже, того...

– Не знаю, что там про негров он написал, но мне давно уже пора спать. До свидания.

– Шарлотта! Айн момент, – мне стало грустно от мысли, что сейчас я опять останусь совсем-совсем один посреди темного ночного города. – Можно я когда-нибудь вам еще раз позвоню?

– Позвоните? Ну, не знаю.

– Ну пожалуйста! Я очень порядочный человек. (А не соврал ли я? – подумалось мне здесь.)

– До свидания, порядочный человек.

– Спасибо. Спокойной ночи, – пролепетал я, повесил трубку и пошел ловить такси.

Проспавшись, с обеда и до самого вечера я ходил по городу, искал, но телефонной будки, в которой на стене был

написан тот телефон, так и не нашел.

А была ли девочка, подумал я тогда, была ли Шарлотта?

«ПИСЬМО СЕМЕНА БАТАЕВА С ДАЛЕКОГО ЗАПАДА О СУЩНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ИСКУССТВА, А ТАКЖЕ ОБ ОДНОНОГОМ МОНАХЕ»

Один наш общий знакомый, вернувшийся из Европы, привез мне дискету с длинным посланием от Семена.

Сам Семен как будто сквозь землю провалился: сколько я ни пытался на него выйти через Интернет или по телефону – бесполезно. Знакомый, который привез мне дискету, сказал, что Сэм неожиданно для всех уехал не то в Канаду, не то в Латинскую Америку. Вроде как у него появились проблемы с германской полицией или с местной мафией, или с теми и другими сразу. Короче, обычные для Семена запутанные денежные дела.

Я отпраился с работы и дома, засев за компьютер, открыл дискету.

«Привет, Глеб!

Пишу тебе из где находится пансионат для таких, как

я, талантливых нищелюбов.

Извини за кондовый канцелярский язык моих писем и за мою всегдашнюю патетику – сам знаешь, хорошо писать в этой жизни я умею только справки о помиловании.

Скажу тебе сразу, Запад полностью разочаровал меня как художника. Возвращаться я, конечно же, не собираюсь, но что касается хваленного свободного искусства, то...

Ну, во-первых, никакой свободы творчества здесь давно уже нет. Я ожидал увидеть людей независимых и гордых своим призванием, истинных интеллектуалов, что называется, впитавших знание мировой культуры с молоком матери. А столкнулся с художниками, зависимыми от государства и того, что о них скажут или напишут в газетах, гораздо в большей степени, чем у нас в России.

Они живут и творят в рамках очень тесного мира, определенного рынком и господствующей идеологией (причем не только художественной, но и политической!). Увы, роль художника здесь декоративна, а звание творца весьма условно.

На Западе давно уже никто не ставит по-настоящему революционных целей и задач, как это делали титаны Ренессанса или модерна начала века. В их искусстве все расписано, нормировано, разложено по полочкам, просчитано и направлено только на коммерческий успех.

Никогда еще западный художник не был так

зависим от мнения, вкусов и желания публики, богатых меценатов и покупателей, как сегодня.

Из всего русского искусства признается только опыт художников, работавших еще в дореволюционные годы, то есть супрематизм Малевича, конструктивизм Татлина, абстракционизм Кандинского.

Что касается эстетических ценностей, то здесь сложилась ситуация, когда государственные субсидии даются под диктовку очень ограниченной горстки критиков, тесно связанных с такими же кругами в печати, органах политической власти и пр.

Это сильно напоминает некий тайный масонский орден, мафиозный клан, и действуют они практически так же, как у нас в советские годы работали всевозможные творческие союзы, закрытые партийные кормушки, цензурные комитеты.

Никакой честной творческой конкурентной борьбы, никакого естественного духа соревновательности на Западе давно уже нет. Теория бесконфликтности и прикормленного государством чистого искусства, забытая в России, обрела здесь вторую родину. Если хочешь реализоваться как художник, нужно, как Гоген, ехать искать свою Полинезию...

Ну да ладно, так было всегда, зло, равно как и пошлость с банальностью, только меняет форму своего присутствия в мире.

Теперь о том, что я накопал для тебя в библиотеках об Одноногом Монахе. Еще раз, блин, прошу прощения за сумбурность и путаность моего послания (видишь,

какой я здесь стал вежливый, МАТЬ ТВОЮ!), но пришлось перелопатить ХЕРОВУ КУЧУ литературы, поэтому, сам понимаешь, было не до красотостей стиля. Думаю, и для тебя главное – сама информация.

Оказывается, здесь, в Европе, легенды об Одноногом Монахе знают гораздо лучше, чем у нас. Эти истории, особенно в прошлом веке, даже принесли некоторую славу городу Волопуйску и, возможно, когда-нибудь сделают его местом паломничества особо продвинутых туристов-интеллектуалов.

Исследователям восточно-европейского фольклора известны по крайней мере две попытки великих людей обессмертить Одноногого Монаха в своих произведениях. Это незаконченная поэма Гете и найденные в архиве Вагнера черновики и наброски оперы с одноименным названием «Одноногий Монах».

Гете не смог закончить поэму по причине, как он сам признавался в беседах с Эккерманом, удивительной сопротивляемости материала. Так тяжело у него шла работа только над «Фаустом», и сил на еще один такой же титанический рывок у него уже не было.

Вагнеру же закончить его оперу помешала естественная смерть. Но в одном из писем к Фридриху Ницше он с восторгом писал, что, несмотря на смертельную усталость, какую приносит ему работа над оперой, она станет одним из самых лучших его созданий, наряду с «Валькирией», «Гибелью богов» и «Парсифалем».

Я уже говорил тебе, что личность Одноногого

Монаха, так же как, например, личность доктора Фауста или Нострадамуса, является полуреальной, полумифической. Существует, впрочем, несколько его жизнеописаний. Одно из них звучит так.

Одноногий Монах (настоящее имя его не сохранилось) был самым талантливым в XIV веке специалистом в области врачевания и бальзамирования. Из монастырей всей средневековой Европы к нему спешили гонцы, если где-нибудь заболел или умирал известный и уважаемый в европейском мире человек.

Левую ногу он потерял из-за гангрены. Она началась у него не то в результате перелома, случившегося где-то в Гималаях, во время миссионерской экспедиции, не то из-за укуса кобры во время Великой африканской экспедиции Святой католической церкви 1320 года, когда были обращены в христианскую веру несколько сотен тысяч чернокожих африканцев (большая часть из которых спустя 13 лет превратилась в носителей самой страшной сатанинской секты, в дальнейшем известной в Европе как „Ву-Ду“).

Был он неутомим в жажде познания, ибо, как сам признавался, во всем, что нас окружает, есть Бог. И если Всевышний оставил в каждой окружающей нас вещи частичку себя, то можно попробовать собрать эти частички воедино, как разбитое зеркало, и как только оно срастется, в этом зеркале отразится истина мира.

Это его, скажем прямо, достаточно наивное учение о мире тогда было воспринято некоторыми

фундаментальными ортодоксами Святой римской церкви как одна из разновидностей ереси катаров и вальденсов. Тут же поступил первый запрет на распространение Одноногим Монахом своего учения.

Он смиренно принял решение отцов церкви и уединился в глухой окраинный монастырь святого Юлиана самой захудалой епархии, которая находилась тогда на границе Центральной Европы и юго-восточных полудиких земель, аккурат в тех местах, где стоит городок Волопуйск, в котором ты сейчас, Глеб Борисович, и проживаешь.

Далее. Одноногий Монах вел аскетический образ жизни, с утра до позднего вечера трудился на благо этого захудалого монастыря и Святой римской церкви, а по ночам, говорят легенды, его продолжал искушать бес честолюбия и гордыни. И чем более жесткие обеты принимал Одноногий, тем эти искушения становились все соблазнительнее и непреодолимее.

Единственной ценностью этого отдаленного монастыря была одна из крупнейших европейских библиотек того времени, где в основном были собраны труды по вопросам врачевания и книги о различных свойствах веществ и металлов.

Говорят, что в одной из комнат, под несколькими замками, в монастыре хранились книги алхимиков и преданных анафеме ересиархов, начиная с первых вселенских соборов и до XIV века. Чтобы, если понадобится, иметь под рукой образцы богопротивной и мерзопакостной литературы.

Ключ от этой комнаты, как рассказывают легенды, Одноногий получил непосредственно от демонов. В этом запретном хранилище он и пропадал по ночам. Говорят также, что в конце концов он достиг такого высокого профессионализма в медицине и врачевании, что несколько раз буквально воскрешал из мертвых безнадежно больных или тяжело увечных мирян.

Слава его как величайшего врачевателя все увеличивалась, обрастая немислимыми слухами и легендами. А это в очередной раз вызвало неподдельный интерес у отцов римской церкви, которые в один прекрасный день и послали в столь отдаленный монастырь представителей святой папской инквизиции с просьбой разобраться и выяснить, что в этих легендах правда, а что от лукавого. И в начале 1333 года, говоря современным языком, инспектора инквизиции прибыли в монастырь святого Юлиана.

Тут все сохранившиеся легенды и жизнеописания имеют столь различные трактовки случившегося, что я просто теряюсь, какую из них тебе предложить. Короче, Глеб, я попытался слепить из них нечто единое и, по возможности, правдоподобное. Итак, святая инквизиция в монастыре. Ее цель – выяснить: словом Божиим или дьявольской хитростью добыл себе европейскую славу Одноногий.

Первые же дни работы комиссии папской инквизиции (большинство из прибывших в монастырь были монахами доминиканского и францисканского орденов) дали неожиданные результаты.

В келье у Одноногого нашли написанные его рукой трактаты, давно гуляющие по Европе и признанные еретической, бесовской литературой: „О бессмертии. Практические советы его достижения для всех желающих“, „О земной природе ангелов“, „Размышления о реальности чуда, непорочного зачатия и Божественного провидения“, „Кто наш Господь“ и другие.

Обнаружили у него и ключ от запретной комнаты, где хранилась осужденная литература, за что был жестоко наказан настоятель монастыря. Однако он утверждал, что не знает, откуда у Одноногого появился второй ключ.

Кроме того, в келье нашли уйму предметов, которые членами комиссии папской инквизиции были признаны колдовскими и алхимическими. Там же было найдено несколько писем к одному известному ученому того времени, из которых явствовало, что Одноногий делал алхимические опыты по производству золота не только из свинца, но практически из любого металла.

Более того, из личных дневниковых записей монаха следовало, что ему удалось изобрести формулу, способную дать человеку... бессмертие!

А вот дальше, Глеб, идет уже полнейшая белиберда.

Вроде как Монах не только не отрицал эти свои заблуждения, но и продолжал упорствовать под пытками, периодически выкрикивая слова и выражения на неизвестном и признанном нечеловеческим языке. Он кощунственно насмеялся над Церковью и папской

инквизицией, называл их тупыми баранами и ослами, не скрывал своей связи с дьяволом.

Эти признания Одноногого уверили папских комиссаров, что за отход от христианской веры Дьявол вознаградил его сверхъестественными способностями во врачевании и алхимии.

Скорее всего, это был уже чистейший вымысел, сочиненный самими инспекторами инквизиции. Или же признания были вырваны из монаха под пытками. (Нам ведь это знакомо по собственной недавней истории, по 37-му году, сталинщине и ее репрессивной машине.)

До судебного разбирательства над Одноногим Монахом защитники не допускались. Сам судебный процесс проходил в условиях строгой секретности. Вел его главный инквизитор, бывший одновременно и судьей, и обвинителем. Приговор нельзя было опротестовать.

Обвиняемых, которые сознались и раскаялись в содеянном, приговаривали к пожизненному заключению. Те же, кто упорствовал в своем преступлении, заканчивали жизнь на костре.

Ну так вот. Монах признал себя виновным в еретическом колдовстве и сатанинских увлечениях, в приверженности учению катаров, но ни в чем не раскаялся и вообще вел себя как одержимый демонами.

Все попытки изгнать из него бесов были тщетны. Монах просто глумился над папскими инспекторами и обещал с помощью своего нового покровителя – Сатаны – расправиться с ними без всякой жалости. Акты о

работе инквизиции в монастыре святого Юлиана были посланы самому папе Иоанну XXII (сжегшему на костре епископа своего родного города Кагора, поскольку тот якобы околдовал его) с просьбой приговорить к смерти Одноногого ересиарха, одержимого легионом самых омерзительных бесов, создавшего „дьявольскую ведовскую секту“, основанную на учении катаров и вальденсов.

Папа Иоанн XXII после некоторых раздумий над представленным отчетом дал добро. Участь монаха была решена. Но папа Иоанн XXII приказал не сжигать Одноногого на костре, как это делалось с другими еретиками, а зарыть живьем в свинцовом гробу вместе с его трудами, алхимическими книгами и предметами колдовских опытов: „Если он так всемогущ, то пусть теперь воскреснет!“ – якобы передал инквизиторам папа Иоанн XXII. Крышка гроба завинчивалась медными болтами. Зарыть его решили в самом глухом и непроходимом заболоченном месте. В гроб положили и колбу с „мочой дьявола“, которую Одноногий продолжал упорно называть эликсиром жизни. На двухстах лошадях привезли и положили на могилу огромный черный камень. Место объявили проклятым. Никто не должен был подходить к нему ближе, чем был виден этот Чертов камень. Монаха казнили где-то в конце мая 1334 года. И знаешь, Глеб, что, по преданию, сказал своим палачам Одноногий, прежде чем они запытали его в свинцовое корыто и зарыли живьем? „Не я виноват в том, что случится. Вы

сами порождаете это Зло. Я вернусь в ваш мир через 666 лет. И тогда ваши правнуки, которых я обреку на вечное рабство, проклянут ваши кости за то, что вы со мной сотворили. Ибо для вас, ослов, было сказано: «Кто посеет ветер, тот пожнет бурю!»"

Не знаю, простое ли это совпадение или что-то иное, но через девять дней после казни Одноногого умирает легендарный и безжалостный папа Иоанн XXII (период папского правления с 1316 по 1334 год), давший добро на казнь монаха. А теперь, дорогой Глеб Борисович, приплюсуй эти 666 лет, и ты получишь наше время...»

(Окончание следует.)

СДЕЛАННЫЙ ИЗ КАМНЯ БУДЕТ ЛЮБИТЬ ДО СМЕРТИ

Крупный американский план. Камера смотрит в мир.

...Вон, видите, из головного офиса «Хаус-Бэнка» выходит красивая-высокая-длинноногая-светловолосая-голубоглазая, стройная, как логика Сократа? Она садится в красный спортивный «ситроен» последней модели и мчится...

Куда? Уж явно не к тебе и не ко мне.

В нашем городке вам скажет любой и каждый, что это Ася-Длинноножка, любовница Яниса Фортиша, вора в законе по кличке Крыса. Ему 45 лет, 23 из них он провел на зонах нашей необъятной родины. По национальности он латыш, по крови не то чуваш, не то таджик, но по-русски говорит отлично, имеет три заграничных паспорта, что не мешает его кодле контролировать все четырнадцать рынков нашего города, включая торговый порт, вокзалы, аэропорт и прилегающую к нему территорию. А это большие деньги, скажет вам здесь любой и каждый опер, очень большие деньги. А кто спорит? Янис – большой человек в уголовном мире. О такой теневой карьере мечтает сейчас любой дворовый мальчишка. Но речь не о Крысе (хотя и о нем тоже). Речь об Асе-Косиножке, которую я зову просто и по-домашнему – парши-

вая сука.

Я смотрю на эту элегантную даму и не могу даже представить, что пять лет назад она была просто четырнадцатилетней вокзальной потаскушкой, за дешевый ужин сосавшей члены у приезжих чукмеков, от которых пахнет луком и чесноком, привезенными ими на продажу.

Какие головокружительные карьеры делаются в наши смутные, подлые времена! Но об этом тс-с, жена Цезаря и любовница вора вне подозрений.

Бессмертная история о гадком утенке, ставшем омерзительно-прекрасным и жестоким в своей убийственной красоте лебедем! Жаль, что я тогда не свернул тебе твою длинную лебединую шею!..

Маленький дракончик плачет, бить его жалко, а тем более убивать. А он растет не по дням, а по часам. И вот он уже большой дракончик, и начинает совершенно без жалости жрать тебя. Впрочем, ладно: рано или поздно форменная блядь все равно превращается в бесформенную суку.

«У всякой дырки есть свой бублик», – произносит таинственную фразу Семен, когда речь заходит о женском поле.

Тогда, когда я ее знал, она совершенно не умела готовить. Оно и понятно, в тех заведениях, где ей пришлось работать, кулинарному искусству не обучают. Теперь ей не нужно учиться этому. Все рестораны города в ее распоряжении. Однако кому как не мне знать о ее патологической неуклюжести во всех вопросах, кроме секса. Трахаться – единствен-

ное, что она умеет делать хорошо. Эта сексмашина работает только на денежной массе. Тут она умеет подать себя (только потом забрать почему-то забывает).

Что ж, красивая женщина все делает понарошку (она может себе это позволить). Когда-нибудь мы с тобой, красавица, встретимся. А пока я не готов. Там, где было сердце, все еще продолжает ныть и болеть пустыня имени тебя, длинноногая сука!

В юности нет денег, но знаешь, куда бы их потратил. К старости зарабатываешь капитал, но уже и не знаешь, зачем он тебе, куда, на что его тратить.

Непреодолимое противоречие.

Абсурд бытия.

Горечь поражения.

А в школе, в первом классе, я говорил, что, когда вырасту, хочу стать клоуном в цирке. В нашем классе все хотели быть космонавтами, врачами, инженерами, военными. И вот мы стали взрослыми. Взрослыми клоунами, шутами гороховыми: космонавтами, врачами, инженерами, военными и прочими. Цирк уехал, а лицедеи остались. И только я один не грущу об этом.

Потом я влюбился в слово «Австралия» и стал собирать все, что так или иначе касалось этой удивительной страны: марки, монеты, открытки, книги, географические карты. В мечтах я уже жил там, на самом далеком континенте, среди странных животных и людей.

Сделанный из камня будет любить до смерти. Сделанный из плоти будет любить всю жизнь.

Опять крупный план. Отъезжаем...

РУССКОЕ ПОРНО

Январь. Я бегу по центральной улице города мимо засыпанных снежком, как сахарной пудрой, деревьев. Крепкий сорокаградусный мороз пьянит. А снег под ногами хрустит, будто кто-то огурцом закусывает.

С неба падают белые мраморные снежинки. Они обрушиваются на головы прохожих, пробивают насквозь автомобили, убивают кошек и собак. Кошмар Микеланджело, месть Родена, мечта идиота.

Причем все снежинки круглой формы. Просто удивительно: ни одной квадратной или, там, треугольной, что ли. У Бога – никакой фантазии.

Здесь по старой части города я обычно срезаю угол, и вот она – родная редакция «Вечернего Волопуйска». Что новенького сегодня сочинят мои братья если не по крови, то хоть по типографской краске?

Раздеваюсь. В кабинете тоже прохладно.

– Бр-р, какая длинная эта зима.

– Зимы все длинные, – философски замечает Строчковский, – это лето проходит быстро.

Ставим с Мотей Строчковским электрочайник. И по пять капель чистого медицинского спирта – подарок медбратьев, о которых накануне Мотя сделал классный репортаж.

– ...Ее звали Верка-Веранда, потому что она легко снима-

лась, – рассказывает мне Мотя Строчковский, пока заваривается чай, – хотя, между прочим, она играла на кларнете в местной филармонии. Красивая такая, возвышенная. Говорят, действительно очень талантливая. Можно, кстати, завтра сходить послушать, она мне достала бесплатный абонемент на год на двоих. Так вот. У нее была такая удивительно клейкая слюна, что она могла ею склеивать все что угодно: ну там картон, дерево, фарфор и даже металл. И осколки потом невозможно было разорвать никакой силой!

Мотя делает паузу, подходит к мусорному ведру, смачно сморкается, руки вытирает о кусок газеты и продолжает:

– А знаешь, почему у нее была такая клейкая слюна? Потому что она трахалась только в рот. Больше она никак не могла удовлетвориться. Она отсасывала, пока ты не кончишь. Раз, другой раз, третий... Пока ты в конце концов не начнешь натурально трахать ее в рот. А слюна у нее была такая клейкая, потому что она кончала ртом, как другие бабы влагилицем, понимаешь? Научный феномен. Уникум. Мутация какая-то... В столовку пойдешь?

– Давай после летучки. Не будем будить в спящем редакторе нежного и ласкового зверя.

В городской многотиражке мне нравилась только одна вещь, а именно: там регулярно и без задержек платили зарплату. «Вечерний Волопуйск» находился на бюджете города, мэр областного центра и крупного морского порта денег для карманной газеты не жалел. Иногда я тосковал по высокому

искусству и уходил в запой, как в поэзию, а в поэзию, как в запой. Что, как выяснилось, практически одно и то же.

Главный редактор Нестор Иванович Вскипин своей стрижкой под «горшок» и круглым рябым деревенским лицом с инородно смотрящимися на нем очками в модной оправе был похож на Иванушку-дурачка, закончившего заочно ветеринарные курсы. И теперь в его глазах была такая грусть, будто бы он тайно скучал по своим деревенским коровкам. Периодически он закрывался в кабинете с ответственным секретарем, доставал из сейфа бутылку водки, и они возвращались в своих беседах в благословенные и тихие застойные годы.

– Жизнь входит в нас, как музыка, – с грустью говорил редактор, обращаясь к ответсеку, – а выходит, как зловонный пердеж. Почему так?

– Наверное, таким образом сказываются особенности нашей профессии, – отвечал ответсек, задумчиво булькая по стаканам.

Главному редактору Нестору Ивановичу Вскипину газетный люд с незапамятных времен присобачил кличку Махно. И то сказать, нраву наш Нестор Иванович был вспыльчивого. Любил он и шашкой перед коллективом помахать, и головы на летучках порубить. И получалось это у него не хуже, чем у его исторического тезки (тот, настоящий батька Махно, тоже был Нестором Ивановичем). Разозлившись, он быстро закипал, как яма с дерьмом, в которую бросили пачку дрожжей.

Помню, недельки через полторы после того, как я устроился в «Вечерку», он вызвал меня в кабинет:

– Будем знакомиться.

Ответсекретарь, мужик с владленинской лысиной и преданными собачьими глазами, худой, как жертва Бухенвальда, вздохнул и задумчиво забулькал по стаканам.

– В России антиалкогольных профессий не бывает, – как бы извиняясь, сказал ответсек вместо тоста.

После первой мы помолчали.

После второй мы еще раз помолчали.

– Я никогда не сделаю хорошей карьеры, Нестор Иванович. У меня есть две слабости – женщины и поэзия, – честно признался я редактору после третьей.

– Хорошо легла, как на родину, – крикнул Нестор Махно после четвертой, и мы стали читать наперебой любимые стихи: они – из Маяковского и Светлова, а я – из Пастернака и Мандельштама.

– Чему можно научиться в газете? – задумчиво спросил Н. Вскипин, сочно хрумкая свежим болгарским перцем, купленным секретаршей вместе с другой закуской на расположенном рядом с редакцией Зеленом рынке. – Ну, так чему можно научиться в газете, а, молодой человек?

– Не знаю, – немного растерялся я.

– А вот я специально для вас перечисляю: писать простые повествовательные предложения – раз и правильно пить водку, чтобы быстро не спиться, – два. Это очень важно, осо-

бенно для начинающего.

– Но газета ведь нивелирует стиль, вынуждает писать штампами, готовыми клише и стереотипами, отупляет журналиста, делает его похожим на других, – сказал я с пафосом (как молодой сотрудник я считал своим долгом немного поспорить с начальством. Для формы, так сказать).

– Вся журналистика держится на штампах и клише, – вставил ответсек. – Главное в газетных материалах – доступность и понятность. Красиво писать надо в литературных журналах. Здесь этого не нужно.

– Это точно, – по-отечески кивнул головой Нестор Иванович. – В газетном деле все держится на штампах, и молимся мы на одного идола – простое повествовательное предложение. Не нужно загружать и усложнять себе и читателю жизнь. У тунгусов есть только одна пословица: «Не говори много, говори мало». Редактор отдал мне в безраздельное пользование весь литературный архив нашей, как оказалось, старейшей в регионе газеты (выходила она с 1911 года).

– Новый работник – это хорошо забытый старый, – ласково сказал он мне, когда вторая бутылка была допита, и я, аккуратно завернув пустую тару в родную газетку, собрался уходить. – Но помни, в газете мне нужны не гении. В газете мне нужны ремесленники. И еще: у журналиста не может быть друзей, иначе он плохой журналист.

И, немного помолчав, с неожиданно мрачной иронией заметил:

– Всякий молодой журналист начинает с мечтаний о великой карьере и мировой славе, а заканчивает работой до пенсии в «Вечернем Волопуйске». Волопуйск – это дырка в жопе дьявола. Дунуло – и нет тебя.

Звякнув пустой тарой, я испуганно выскочил из кабинета редактора.

– Ну, теперь разделяй и властвуй, – сказала на это Жукина, начальник отдела культуры, красивая тетка из казачек, смешливая, белозубая, большегрудая и широкозадая, проработавшая в газете всю сознательную жизнь и теперь собирающаяся на заслуженную пенсию, – а с автурой советую поостроже. Режь их по самые яйца, а то заедят, как мухи паровозные.

Я поискал в словарях описание паровозных мух, естественно, ничего не нашел, но принял к сведению ее совет и пообещал резать.

Мотя Строчковский о нашем редакторе Несторе Ивановиче Вскипине:

– Кристальной души человек. Когда он узнал, что арбуз, который мы притащили в редакцию и только что съели, ворованный, он пошел в туалет и выблевал его. Такой кристальной чистоты человек! Да, пошел в туалет, два пальца в рот – и весь арбуз выблевал. А раньше крайком партии обслуживал. Скажут ему «фас!» – он человека с дерьмом сожрет, и ничего, даже не икнет, не то что там рыгать...

– Ну откуда ты знаешь, Мотя? – укоризненно возражает ему моя газетная начальница, улыбаясь всеми тремя рядами своих белых ровных, как пулеметная обойма, зубов. – Может быть, он и тогда блевал в туалете. Только тайно, у себя дома, после очередного «съеденного» диссидента. Два пальца в рот – и Солженицын низвергается в унитаз...

Нестор Иванович Вскипин, будучи руководителем старой партийной закалки, обожал толкать речи по любому поводу. Он просто жаждал навязать каждому личную опеку и видел свою роль в созидающей и направляющей силе слова руководителя. Но великий и могучий, стало быть, русский язык не любит, когда к нему относятся всуе. И мстит, выставляя обидчика в нелепых одеждах логики и смысла. Вот и мы завели за правило после каждой летучки вывешивать наиболее яркие афоризмы Нестора Ивановича на стене в кабинете отдела культуры под заголовком «Цитата дня».

Коллеги, зная за нами любовь к устному творчеству редактора, толпами ходили читать очередную «нетленку» руководителя. Написанная крупными буквами, яркими фломастерами, она смотрелась не хуже, чем лозунги на первомайских коммунистических демонстрациях.

На этот раз над головой моей начальницы по культуре красовалось:

«Нам надо провести подписную кампанию так, чтобы не ударить лицом ниже пояса!»

По дороге в редакционную столовку Мотя продолжает

свое прерванное из-за летучки эротическое повествование:

– ...Я Верку-Веранду именно за эту крайнюю порочность и любил. Не поверишь – до исступления. Это ее сочетание абсолютной развращенности и ангельской внешности. Она засыпала только с мужской родилкой во рту. Если она не могла найти себе на ночь болт потолще и подлиннее, у нее началась бессонница. Она меня уверяла, что это с ней происходит потому, что ее мать слишком рано оторвала ее от своей груди. И теперь мужской штырь, который она так азартно сосет и лижет, символизирует для нее материнскую грудь.

– Грустная история, – говорю я.

– Своей слюной она навсегда приклеила мой член к своему рту, – не унимался даже в очереди за дохлыми котлетами разгоряченный воспоминаниями Мотя С. – И, знаешь, я бы смирился со всем этим, нашел бы массу оправданий и жил бы, как все... Если бы не ее бесконечные измены. Как только представлю, сколько литров мужской спермы она проглотила за свою жизнь, то готов просто убить ее на месте!..

СВОБОДНОЕ МЕСТО

– Ты что такой хмурый сегодня? – спрашивает меня Семен. Он только что вошел к нам в кабинет. Надо мной висело новое изречение нашего редактора:

«Писать нужно так, чтобы в ваших статьях комар муху не подточил!»

– Три дня ничего не пил. У меня уже началось алкогольное голодание.

– Ну и в чем же дело? – обрадовался такому повороту Сэм. – Пьянству – бой, так выпьем перед боем!

И, выкатив глаза так, что они заполнили собой все пространство между нами, продолжил:

– Я тебя с такой шлюшкой познакомлю – ты на месте в штаны кончишь! Девочка вэри вэл, как говорят проклятые америкосы. Она, между прочим, француженка. Ну или бабка у нее француженкой была... Неважно!.. Короче, она сама тебе в постели расскажет. Честная давалка, но предупреждаю – с заскоками: считает себя колдуньей и астрологом, иногда гнать начинает – про конец света, про явление Антихриста и прочую фигню. Как друг, я тебе должен сказать еще про одну вещь. Как бы это получше сформулировать... Она бывшая подружка нашего бедного Макса Пигмалиона. Думаю, это она довела его до ручки. Так что смотри, сильно

не увлекайся, если не хочешь опять отправиться на поиски своей «Австралии». Народная мудрость гласит: наше дело не рожать – сунул, вынул и бежать. Усек?

– А как, говоришь, ее зовут-то? – в предчувствии у меня заныло сердце.

– Шарлоттой, – обнажил в лошадиной улыбке свои длинные зубы Семен.

На сером фоне неба падающие хлопья снега кажутся черными. Снег такой белый, что даже черный.

Мы сидим втроем в небольшом, уютном и очень престижном ночном баре «Золушка»: я, Семен и Шарлотта. «Какой красивый дэвушка, вах, и снизу и сверху красивый», – подмигивает мне Сэм.

Я практически не знаком с ней. Намеренно меняю свой голос, чтобы эта потрясающая, нездешняя, таинственная дама не догадалась, что я ей звонил как-то пьяный, прочитав ее номер на стенке телефонной будки.

Шарлотта действительно похожа на француженку: каре, немного смуглая кожа, вздернутый носик, темные большие глаза, миниатюрная фигурка, тонкая талия. Маленькая грудь, но зато торчком. Я быстро оказался переполнен чувствами, как бочка с водой во время осенних дождей.

Официантка принесла карту вин и коктейлей.

– Как вы любите? – вежливо уточняю я у Шарлотты.

– Мне нравится два-в-одной, – иронично отвечает она,

глядя мне прямо в глаза. Фраза произнесена ею так, что я катастрофически краснею.

Часа через полтора я, разгоряченный пятью стаканами коктейля «Огни Ямайки», желая выглядеть суперменом, шепнул ей на ушко:

– Шарлотта...

– Да, я слушаю тебя, я вся – сплошное ухо...

– Какие у вас тонкие черты лица. Жаль, в замужестве они наверняка сломаются. Шарлотта, я просто замешан на сексе...

– Ну так действуй, – та же ироническая полуулыбка. – Кто тебе не дает? (С ударением на последнее слово.)

Краснею опять один я.

...В эту ночь у нее дома я с яростью вставил свой мужской жизненный стержень в ее внутреннее женское содержание.

«ВОЛОПУЙСКАЯ НЕДЕЛЯ»:

«Дорогая „Неделька“!

Я дружу со своим мальчиком два дня. Как только мы познакомились, он сразу же захотел поцеловать меня в губы. Я совсем этого не хотела, но не знала, как отказаться. Просто открыла рот и стала двигать языком.

Мне было противно ощущать у себя во рту язык чужого человека. Не хочу, чтобы

повторялось это снова, а мальчик настаивает. Что сказать ему? Марина, 12 лет».

Редакция: «Поцелуй в губы – это очень интимно... Когда ты кого-нибудь полюбишь, будешь ему доверять, ваши теплые поцелуи будут совсем другими. И у тебя уже не будет неприятных ощущений, ведь это не чей-нибудь язык, а он будет принадлежать человеку, которого ты любишь. Но чтобы достичь этого, совсем необязательно превосходно владеть техникой поцелуя...»

ФПЖ

(ФАКУЛЬТЕТ

ПРОЖИГАТЕЛЕЙ ЖИЗНИ)

– День рождения бывает раз в жизни, – сказал я как-то Шарлотте. – Ну, в лучшем случае, два.

Она не помнила, когда у нее день рождения. И тогда мы выбрали тот день, какой ей больше понравился.

Дверь, как всегда, была незапертой. Я опоздал ровно на три бутылки белой и три сухого вина.

Так-так. Вежливо поздоровавшись со всеми, я осматриваю этот зверинец, состоящий из представителей местной богемы, сбежавших сюда от скуки жизни, чтобы забыться здесь в непристойности и глюках.

На той стороне праздничного стола пьют морковный сок два здоровенных бугая (культуристы-качки, это, скорее всего, просто ее ебари, «дежурные мальчишки», которых она держит на всякий пожарный).

Местный знаменитый тележурналист Михаил Дундарин (все ласково зовут его Дундик), заметив меня, машет рукой и сразу же наливает водку мне и себе. Остальных он как бы не замечает. А среди этих остальных – пара художников-модернистов, вечно голодных, но истинно верящих в будущее своего прошлого, далее – Шарлотта и ее подружки, кажет-

ся, они занимаются модельным бизнесом. Напротив них – Николс, астролог (злые языки за своеобразную узость физиономии прозвали его Коля-Пол-Лица), он со своей флегматичной подружкой Альбой (Альбиной, у нее всегда такое обиженное, оскорбленное выражение лица, что все зовут ее Оскорбинка), и, естественно, Семен.

Рядом с Сэмом на софе с обеих сторон сидят две длинноногие девки. Одна, как я понял, для меня. Девушки для дегустации. Конечно, в этих девок уже кончали (и не раз), но внешне они далеко не конченные. Кроме того, тут и там по квартире рассовано, распахано, разбросано, разложено и расставлено еще человек семь-восемь эстетствующих бездельников местного разлива.

А вон там, в углу, с бокалом вина в руке, с бледным мечтательным лицом, длинными ресницами, узкоплечий и такой хрупкий молодой человек. Он здесь как бы ни при чем, он сам по себе. Разглядывает альбомы испанской средневековой живописи. Это уже посерьезнее. Даю сто пудов, это очередной ее воздыхатель.

Небольшой музыкальный центр проигрывает компакт-диски с танцевальной музыкой семидесятых, восьмидесятых годов: «Бони М», «Арабески», «Оттаван», «Ирапшен», «АББА», «Баккара» и пр. Короче, белый танец для очень черного негра. Меня эта музыка давно не вставляет. Кто хочет – танцует, остальные беседуют, курят на балконе, целуются на кухне и в ванной. Кто-то уже заперся в неболь-

шой спальне Шарлотты, а кое-кто пугает в туалете унитаза. В общем, вечеринка в разгаре. «Ну что ж, – подумал я, – если застолье нельзя остановить, то его можно возглавить».

– Семен, что, по твоему мнению, такое «сублимация в искусстве»? – спрашивает Николс.

– Это когда в краски макаешь не кисти, а свой член, – отвечает Сэм. – Предлагаю выпить, чтобы мужчины – всегда, а женщины – везде!

Знаменитому тележурналисту Михаилу Дундарину понравилось то, что сказал Семен, и он теперь уже налил водки себе, мне и ему.

С кухни наконец-то возвращается уединившийся там с начинающей поэтесской Натальей Никакаевой Мотя Строчковский. Видимо, вечер поэзии с отдельно взятым женским телом у него удался. Наталья Никакаева, потупив взор и поправляя съехавшую на бок мини-юбку, села за стол допивать свое шампанское, а Мотя, расплескивая налитый ему в стакан огуречный рассол, с восторгом объявляет всем, что собирается издавать газету. Она будет называться «Неудачник». Девиз: «Неудачники всех стран, уединяйтесь!».

– У моей газеты будет громадный тираж! – брызгает слюной на рядом сидящих Строчковский. – Ибо неудачников в мире куда больше, чем счастливицов. Я буду печатать материалы о знаменитых неудачниках всех времен и народов, исповеди неудачников, адреса неудачников для переписки, материалы о неудачных войнах, фирмах, испытани-

ях, космических полетах, браках, родах, судьбах и прочее, и прочее. Этот список бесконечен! Тут же советы, пожелания, рекомендации, инструкции, как поступить в той или иной несчастливой ситуации.

– Клянусь, это будет самая популярная газета в мире! – Под впечатлением своих идей Мотя наваливается на край стола и опрокидывает на себя тарелку со шпротами. – Даже в основании нашей злосчастной цивилизации лежит неудача, мировая катастрофа, трагедия. Апокалипсическое сознание заложено в нас на генном уровне.

– На геенном уровне, – подсказывает Семен и протягивает ему салфетку, а затем рюмку, чтобы чокнуться. – Не говори вслух о вдохновении, а то Бог ток отключит!

Мотя выпивает и продолжает с восторгом брызгать слюной:

– Глеб, пойдешь в мою газету ответственным секретарем?

– Почему я?

– Мне кажется, у тебя достаточно высокий уровень замо-гильности в крови! – с восторгом кричит через стол развеселившийся от своей остроты Строчковский.

– Иди к черту, кумир беременных женщин и малолетних преступников! – Я ковыряюсь вилкой в каком-то салате. Кажется, уже в чужой тарелке.

– Ничего не поделаешь. Если держишь руку на пульсе времени, то ногу обычно – на горле собственной песни, – насмешливо произнес знакомый голос за моей спиной. Но я

не оглянулся. Мне было совершенно наплевать, в чей огород этот камень и кем он брошен.

– А сколько в твоей газете будет стоять, допустим, одна информационная заметка? – с иронией спрашивает Мотю астролог Николс. Они немного недолюбливают друг друга.

– Ну, не знаю, – пытается отмахнуться от докучливого Николса Мотя. – По крайней мере не меньше, чем в других местных газетах.

– Значит, у тебя будет плохая газета, – неожиданно вмешивается в дискуссию Семен.

– Почему? – Мотя почти искренне удивлен.

– А потому, Мотя, – поучает Строчковского Сэм, – что если в газете за информацию платят меньше, чем стоит бутылка водки, – это плохая газета. И тебе, как газетчику, надо бы об этом знать.

Я понял, что Семен с Мотей еще долго будут выяснять вопрос о газетном бизнесе и его составляющих, и решил, что уж лучше перекурить это дело на балконе.

На улице крался, как будто что-то украл, ночной дождик. Было свежо, и эта свежесть приятно охлаждала разгоряченную алкоголем и комнатной духотой голову. Я закурил и сделал несколько глубоких затяжек. Стоя один на один с августовской ночью, я с иронией вспоминал, сколько издательских проектов, подобных Мотиному, было уже в моей жизни.

Вот, например, несколько месяцев назад группа моло-

дых литераторов, возглавляемых длинноволосым, похожим на Родиона Раскольникова, местным философом и лидером консервативного авангарда Любомиром В. Славиным, затеяла почвеннически-модернистский литературно-публицистический альманах «Всадница Без Головы». Было очевидно, что ребята еще не наигрались в литературу и искренне верили, что рождены для Нобелевской премии, а не для каждодневной газетной поденщины ради хлеба насущного.

Так как они читали мои статьи в «Вечерке», то и предложили написать для них какое-нибудь эссе. И даже уверяли, что альманах этот имеет гонорарный фонд, весьма активно пополняемый пожертвованиями местных меценатов (как выяснилось впоследствии, патриотов финансировал дядюшка Дж. Сорос).

Ну так вот, Любомир В. Славин, высверлив своими пронзительными глазами в моей бедной ауре глубокие незарастающие отверстия, попытался запрограммировать меня на написание эссе, в котором бы я подвел итоги недолгого царствования экзистенциализма в мировой литературе.

Они считали, что это до сих пор актуальная тема. Увы, мне не хотелось с ними ссориться и объяснять, что они опоздали с этим заказом минимум лет этак на тридцать-сорок.

А так, да что греха таить, когда-то давным-давно меня действительно занимала проблема атеистического экзистенциализма в произведениях Сартра и Камю. И я по-дилетантски выстраивал родословную их героев от Достоевского и

Ницше.

Свои наивные заметки я пытался построить чуть ли не на обычной игре слов: интеллектуальная *нищета* Ницше и *достаточность* Достоевского. Эти великие фамилии, писал я, сами собой встают рядом, как только начинается обсуждение какой-нибудь социально-философской проблемы.

Два максималиста – они как два крыла одного центра, который только благодаря им и сохраняет устойчивое равновесие. Ницше – как крайний аморалист, Достоевский, со своими максимами добра и красоты, – как крайний идеалист-моралист православного толка и т. д.

(Далее, несмотря на неправдоподобность ситуации, внутренний монолог должен продолжаться также правильно и четко, невзирая на выпитое главным героем изрядное количество спиртного. – *Прим. неизвестного нам переводчика.*)

«ЗАКАТ СОЛНЦА ВРУЧНУЮ. БРАТЬЯ ДОСТОЕВСКИЕ»

...А тем временем гости Шарлотты окончательно разбились на пары и рассосались по квартире. Кто-то, видимо по чистой случайности, сунул в магнитофон кассету с Б. Г.: «Будь один, если хочешь быть молодым», – пел кумир моей юности.

Я же продолжал курить, от нечего делать припоминая свое экзистенциальное прошлое. То давнее эссе я хотел назвать «Человек, который стал дорогой...». А вторая часть этой работы называлась бы «Дорога, которая стала человеком».

Ницше ограничен и предсказуем в своих парадоксах и софизмах, так утверждал я по малолетству. Его произведения несут в себе печать творческого повтора. С первых же строк любого его произведения понятно, что именно он сейчас будет отрицать, клеймить и разрушать. А это, согласитесь, быстро надоедает. В своем нарочитом нигилизме он просто скучен и смешон, как ряженный в костюм демона бездарный актер провинциального театра. Ницше нищ духом, да, в общем-то, и талантом. Разрушая старый Храм, он не построил нового.

А мечущийся Достоевский достаточен и гармоничен в своем творчестве. Он тоже бунтарь, местами нигилист, но в

своих парадоксах он непредсказуем. Эта непредсказуемость проистекает от полноты и многообразия его дарования. У него есть и то, что есть у Ницше, и много того, чего у «Заратустры» нет. Он идет своим путем, но чувствуешь, что, кроме этого пути, он знает еще великое множество дорог и дорожек.

Сартра я видел как бы в тени Ницше, а Камю в тени Достоевского.

Мне, наивному, почему-то показалось, что Сартр на примере своих героев как бы дает людям некий Шанс, но в то же время предупреждает, что этот их шанс – последний.

Герои Сартра утверждаются в мире, разрушая. Камю же предпринял попытку создать героев, которые способны утверждаться в этом мире, созидая. Одним нужна свобода «от» (морали, общества, нравственности, Бога), другие стремятся к свободе «для» (самосознания, взросления). И проблема выбора состоит как раз в обретении свободы для разрушения или же свободы для созидания.

У Сартра герои в процессе существования перерождаются из Прометея в Цезаря. Парадокс, но, бунтуя против Отца, он, тем не менее, находит оправдание для его отцовства. Тоталитаризм, автократия – это как бы и есть то самое взросление, смелость взять вину на себя.

Есть еще один путь – полная свобода, отказ от всех общепринятых правил и законов и даже основного закона – «не убий». То есть принцип сильной личности – утвержде-

ние некой высшей жизни с помощью смерти (что-то от бунтарей Достоевского). Коротко можно сформулировать так: после того как ты преступил основной завет людей «не убий» и убил, у тебя нет обратной дороги, ты теперь можешь идти только вперед, к обретению собственного смысла, цели, дальнейшего совершенствования.

Какова основная цель экзистенциальной философии? Заставить людей наконец-то повзрослеть, расстаться со своей социальной инфантильностью: а ничто так не «взрослит» людей, как чувство ответственности.

Человек, отвергнувший Бога, бесконечно одинок, – это его подвиг, но это и его трагедия. Он заброшен в этом мире, ему не на кого надеяться, кроме как на самого себя. Он поставлен перед фактом своей неперенной конечности.

У него просто необходимо отнять все иллюзии, которые мешают ему формироваться как личности – человек представляет из себя то, что он из себя конкретного сделает. Он ответственен за свои поступки. Его судьба зависит только от него самого. Ну и т. д., и т. п.

Но писать эссе, несмотря на высверленные в моей ауре пронзительными глазами Любомира В. Славина глубокие и незарастающие отверстия, я отказался. Слава богу, хватило ума понять, насколько все эти мои интеллектуальные потуги отдают банальностью и провинциальным пупизмом. Это как с трудом запрыгнуть в последний вагон, а потом выяснить, что поезд идет не туда, куда тебе нужно.

Мой школьный друг по фамилии Гладких, помешанный на йоге, уверял меня, что ради самопознания он регулярно хавает свою сперму. Натурально, отсасывает у самого себя. Однажды он продемонстрировал это нам с Сэмом: обнажившись и изогнувшись, забросив себе ноги за шею, он действительно отсосал у самого себя. Пока не кончил. Мы обалдело молчали. А он сказал, что проглотив себя, он стал вещью в себе, человеком в квадрате: он родил себя и тут же убил, съел. Попробуйте, сказал он, это потрясающее ощущение. И не обязательно заниматься йогой: когда он, Гладких, не умел еще проделывать такие трюки, он просто жарил свою сперму. То есть дробил на сковородку, потом поджаривал на медленном огне и ел. Это я к вопросу о самопознании и интеллектуальном онанизме.

Я очнулся от своих мыслей и заметил, что сигарета дотлела уже почти до фильтра. Бросив окурок в ночь и проследив его падение во тьме до самой земли, я пошел искать по квартире Шарло.

Увы, но ее нигде не было. Я загрустил. Выпил с Николсом-астрологом и Мотей по рюмке холодной, только что вынутой из морозилки водки. Народ любился и танцевался. Я опять вышел на балкон. Решил выкурить с Семеном еще по одной сигаретке.

За нашей спиной раздался звон бьющегося стекла. Это нарезавшийся в лоскуты М. Дундарин своим длинным заплетающимся языком выдавил балконную стеклянную дверь.

Мы были просто ошеломлены этой его профессиональной работой языком. Дундарина сильно штормило. Качнувшись в мою сторону, он схватил меня за пуговицу на ширинке и просипел:

– Для женщины скромность и бесстыдство имеет одну форму... Форму хорошего мужского дырокола.

Мы пьяно заржали, и в этот момент я как-то отчетливо осознал, насколько все мы здесь одинаково мыслим, разговариваем, острим. Как будто у нас на всех – одна голова.

(Голова автора? – Курсив мой.)

– Михаил, ты, блин, не находишь, что все мы в этом мире победившего ширпотреба и масскульта совершенно нивелировались, стали похожи друг на друга? И одеваемся, и говорим как-то одинаково, и внешне даже все вроде как одну маску носим, а?

– Не думаю, – икает в ответ Дундарин, – это наша, действительно *авторская*, недоработка.

– *Автора*, который свыше? – глядя на здоровенные августовские звезды, переспрашиваю я.

– Да нет, – беспрестанно икая, сипит Дундарин, – пожалуй, *автора*, который *сниже*... Мы ведь все здесь вечные студенты ФПЖ, Факультета Прожигателей Жизни. Полуинтеллигенты, которые не хотят быть интеллигентами, литературные пролетарии, которые презирают пролетариев. Гребанные полукровки!.. Сейчас время такое, время полукровок...

– Нас опять лишили выбора, черт возьми, нас опять лишили выбора во всем! – неожиданно заводится и почти кричит Дундарин. – Нам не оставляют никакого выбора, кроме, блядь, этого, как его... революционного!

Докурив, мы с Дундариным возвращаемся в комнату. А Семен, оставшись на балконе один, еще некоторое время смотрит на эти слишком уж большие и яркие августовские звезды, только что (ах!) обмытые небольшим дождичком. «Старый месяц Бог на звезды крошит», – думает Сэм с умилением. И вдруг, протянув руку, легко протыкает пальцем где-то в районе Большой Медведицы этот... нарисованный купол ночного неба!

Сэм мудро прищуривается, но о сделанном только что открытии никому не говорит. Потому как он сегодня не только пил, но и, того, пару раз хорошенько нюхнул коксу.

В этот момент звезды на нарисованном небе складываются в хорошо читаемую надпись:

**«Бог и Ницше мертвы, Сэм. Пора
возвращаться домой.**

Твоя любимая мамочка».

А в комнате кое-кто из молодежи еще пытался танцевать под диско 80-х. Шарлотты и того мечтательного юноши, любителя средневековой живописи, нигде не было.

Я стал заметно нервничать. А тут как назло ко мне по-

дошла одна из приведенных Сэмом студенток-филологинь. Разговор явно не клеился, хоть девица и пыталась меня завести, как бы случайно выкруливая на проблему полов. Короче, она меня достала. И я выдал:

– Что касается женщин... если честно, то я просто вытираю о них ноги. Как я к ним отношусь? Элементарно. Я их трахаю. Да-да, я считаю, что женщина годится только для одного – чтобы ее хорошенько оттрахать. Мне они нужны только для этого: умные, глупые, красивые или нет. Когда я чувствую потребность, я ищу просто женщину, я трахаю ее и выбрасываю за ненадобностью и т. д.

Черт-те что. Я закончил. Студенточка, как в кислоте, полностью растворилась в моих словах.

И тут наконец-то они появились! Видите ли, ходили гулять по ночному городу. Счастливые улыбки. Загадочно переглядываются. Сообщники, хранители последней тайны. Падшие ангелы. Нам на счастье упавшие на Землю ангелы. Я вдруг поймал себя на том, что, кажется, ревную.

– Да, я знаком с этим поэтом, – слышится за столом голос Семена. – Он стар и трухляв, он изъеден жизнью, как ножка белого гриба червями. Увы, но он давно уже неудобоварим во всех отношениях.

– Говорят, сейчас принято шампанское закусывать солеными огурцами – невкусно, зато патриотично.

– ...В «Нью-Йоркере» Юрий Карабчиевский писал, что Маяковский погиб в 1918 году. Последнее стихотворе-

ние, написанное самим Владимиром Владимировичем, – это «Хорошее отношение к лошадям». Маяковского убила шальная пуля, летавшая по улицам Питера со времен взятия Зимнего. После смерти Владимира Владимировича его место занял двойник, о существовании которого говорил и сам Маяковский, и неоднократно писали газеты в отчетах о поэтических вечерах футуристов... Сравните стихи Маяковского до и после 1918-го, и вам не понадобится никаких доказательств...

– Придурки, молва, молва делает поэта знаменитым! – тележурналист М. Дундарин, напиваясь все больше, становился опасно агрессивным. – Молва, слухи, сплетни, а не тиражи, критические статьи и монографии!

Мотя Строчковский поскользнулся на чьей-то академической лысине и, падая одновременно в забвение и салат из кальмаров, все-таки успел провозгласить:

– Ненавижу, блин, филологов!.. Они способны отыскать слона там, где не водятся даже навозные мухи!..

– Не согласна! – с возмущением заступилась за филологическую честь некая юная поэтесска. (Каюсь, я забыл, как ее зовут. Кажется, Наталья. В фамилии у нее было что-то про «каки»). По-моему, в начале пьянки Мотя на кухне пытался именно ее этой самой филологической чести лишить. – Филологи помогают спящему разуму понять его сны, чтобы они не превратились в реальных чудовищ!

– ...Да ну вас всех, блядей, в жопу! Величественно – это

когда пишут про Акакия Акакиевича или про мерина Холстомера! А про императоров получается чаще всего смешно и пошло! – свирепо орет на весь дом сидящий в прихожей на пачке старых журналов «Нового мира» уже бухой в сиську знаменитый тележурналист Михаил Дундарин.

– А умище, умище-то мне куда девать?! – не унимается Дундик.

– Может быть, тебе его личинками откладывать? – интересуется Строчковский.

Вообще-то я не знаю, как он здесь оказался. Они ведь с Шарлоттой терпеть друг друга не могут. «Я невыносимый человек? – бурчал Дундарин. – Вот и не выносите меня! Оставьте, где взяли!» Те два качка, которые весь вечер пили только морковный сок, попытались вывести М. Дундарина на лестничную площадку. Но он, проявив удивительную для пьяного существа прыть, вырвался от них и с криком: «Помогите, меня ебут демократы! Меня демократы в жопу ебут!...» – стал ломиться в железную дверь соседней квартиры, где, по слухам, жила любовница помощника прокурора города Волопуйска. Пришлось вернуть Дундарина обратно и вновь посадить в прихожей на «Новый мир». Там он как-то сразу обмяк и вдруг со словами: «Дундарина обидеть может каждый...» – обхватил за талию одного из качков и горько заплакал.

– Да, у Дундарина сегодня по плану упадок сил и нравов, – философски промолвил вышедший вслед за мной в прихо-

жую Николс-астролог и, видимо, чтобы отвлечься от неожиданно возникшей дундаринской темы, с нетрезвой вежливостью спросил, почему у меня такой нездоровый цвет лица.

– Мне в последнее время стало трудно дышать, Ник... – искренне признался я.

– Астма? – посочувствовал Николс.

– Нет, просто воздух до невозможности засорен словами, которые все чаще бросают на ветер...

В окно видно черное ночное небо. Оно густо забрызгано белыми капельками звезд. Порнографический образ, как будто Бог кончил на черную шелковую простынь.

Уже далеко за полночь. Я иду на кухню и завариваю себе крепкий кофе.

– Сахар – это белая смерть! – пьяно улыбаясь, говорит мне забредшая вслед за мной одна из тусующихся здесь девиц. При ближайшем рассмотрении ею оказывается та самая юная поэтесска, что в споре со Строчковским заступилась за филологическую честь. (Даю свой член на отсечение, но я теперь уже полностью забыл, как ее зовут.)

– Понятно, сахар – белая смерть. А вы, стало быть, предпочитаете черную? – мрачно говорю я ей в ответ.

Она смотрит на меня с интересом, потом, едва не промахнувшись, садится на табуретку и вдруг начинает как-то так задумчиво, сосредоточенно рыдать.

– У вас, наверное, ничего не получилось с музой? – пытаюсь я, как умею, ее утешить. – Ну так, может, вам стоит

поискать не музу, а мужа?

С рыданиями она убегает.

Занавес.

Сцена вторая, она же последняя.

Перед нами опять лицо персонажа. На месте рта у него начинают расти волосы.

Я беру свой кофе и, стараясь не слишком его расплескивать на попадающихся по дороге бродящих, как сомнамбулы, пьяных интеллектуалов, иду на поиски юной поэтесски: как бы чего не натворила, дуреха.

В зале полумрак. Несколько алкоголестойких пар, измочаленных, как в финале фильма «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?», кружатся под медляк «Скорпов». Все углы засижены, как мухами, слипшимися в поцелуях влюбленными. Совсем неожиданно для себя натываюсь на Шарло.

ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ: ЖЕНЩИНА КАК ДОРОГА

Она рассказывает юному интеллектуалу, любителю средневековой испанской живописи, с которым они «просто ходили гулять по ночному городу», свою легенду.

– Я родом из XIV века, – говорит она (здесь следует глупая пауза, во время которой она успевает отпить из своего бокала большой глоток сухого вина) и продолжает:

– Даты моей жизни: 1312-1332. Мои родители были очень знатного рода. Я умерла совсем юной, двадцатилетней, от какой-то странной воспалительной болезни. Здесь, в вашем времени, мне сказали, что, скорее всего, это была корь, которой я не переболела в детстве. Меня похоронили в родовом склепе. Мое тело бальзамировал странный монах на одной ноге. Раньше он часто лечил меня, хорошим здоровьем я ведь никогда не отличалась.

И вот, спустя шесть веков этот идиот, гений современности, Макс (Семен и Глеб его знают), художник, блин, влюбляется в мой портрет работы Джотто де Бондоне. Кстати, единственный написанный им женский портрет. Макс, блин, раз в жизни был в Лувре, офигел там от этого шедевра и решил любой ценой воскресить меня.

– Сумасшедший, а обо мне он подумал! – в бешенстве,

которому веришь, восклицает Шарлотта. – И вот он начинает собирать все сведения о нашем роде. В конце концов вычисляет склеп, где я была погребена... или погреблена?.. Ну, это не суть важно. За огромные деньги он договаривается с кладбищенским сторожем, они вскрывают саркофаг. Макс берет частичку моей сохранившейся кожной ткани и везет ее в Штаты, где еще один придурок, Эйнштейн генной инженерии, его приятель, уехавший во времена перестройки на Запад, с радостью соглашается провести эксперимент по... клонированию!

– Не может быть... – юный эстет поражен так, что наконец-то роняет альбом средневековой испанской живописи себе на ногу.

– Ну и, в общем, они воссоздают мой прекрасный и бессмертный образ.

Шарлотте, видимо, надоело сочинять, и она быстро закругляется. Затем делает еще одну театральную паузу, достает тонкую дамскую сигарету. А я уже тут как тут – подношу зажигалку.

– Как видишь, эксперимент удался, – Шарлотта торжествует. На меня – ноль внимания, даже спасибо не сказала, сучка. И вдруг неожиданно для всех (но только не для меня!) начинает остервенело реветь, зло выкрикивая:

– А обо мне он, сволочь, подумал? О том, как я буду здесь жить, в это чужое сволочное время, в чужом городе, с чужим телом и душой?!

Она продолжает рыдать, ее новый друг-эстет в полной растерянности. Семен делает ему знак, сначала покрутив у виска, а потом показав на Шарлотту, мол, не обращай внимания: пьяная женщина – плетет что попало. И уводит его в прихожую, где помогает найти обувь, шляпу и тросточку и выпроваживает его на хер.

А я в это время увожу пьяную в дым Шарлотту в ванную, умываю ее, как маленькую, говорю что-то успокаивающее.

– Ну хоть ты-то мне веришь?! Веришь, что я не сумасшедшая? – икая, допытывается она. – Ты-то хоть веришь?

– Верю, детка, – шепчу я ей на ухо и целую сначала в мокрую щеку, потом в шею, обнимаю за талию и крепко прижимаю ее маленькую, но всегда стоящую торчком грудь к своей, груди.

– Верю. Два дня назад я был в психушке, куда поместили Макса. Мы с ним очень мило побеседовали. Он сказал, что ты состоишь с ним в алхимическом браке... И дьявол вам развода не давал.

Видимо, при рождении у вас обоих в голове случилась опечатка, так и живете теперь с ошибкой в башке.

– ...Что, что мы сделали хорошего в этой жизни? – пытается выяснить у зеркала в прихожей собравшийся за дополнительным спиртным астролог Коля-Пол-Лица. – Что у нас за спиной?

– Крылья, – это слово он услышал совершенно внятно, хотя в зеркале рядом с ним никто не отразился.

– Стоп-стакан, – грозит пальцем своему отражению Николс. – Пора уходить в потенциал. Ничего не скажешь, оттопырились сегодня на славу.

...Всем известна другая история, другой, так сказать, сюжет Шарлоттино повествования. Вот он.

Безумный Макс, Макс Пигмалион, художник-неоклассик Максим Медведев вытащил Шарлотту из глубокой жопы, из говна, в котором она плавала, как конченный овощ. Макс вытащил ее, алкогольчку и наркоманку, брошенную семьей и мужем подышать в одной из бесплатных лечебниц Франции для таких вот опустившихся созданий. Шарлотта с мужем убежали из России в Европу за красивой и сытой жизнью, как только Горбачев заново прорубил туда окно (а вот про дверь, гад, он не подумал).

Макс – единственный, кто ездил к ней в лечебницу, и именно там он создал свои знаменитые, щемящие и откровенные портреты, принесшие ему заслуженный успех и славу на Западе.

Он, как истинный Пигмалион нового времени, вылепил эту суку из дерьма, помог избавиться от прошлого. Заново назвал Шарло. А она его, естественно, Пигмалионом.

Эх, написать бы мне пронзительную повесть о первой любви!

Да боюсь, блин, кого-нибудь пронзю...

Сквозь дымящиеся развалины прошедшей ночи мы с

Шарлоттой пробираемся к ней в спальню. Не буду скрывать, мне нравится заниматься любовью с пьяненькими женщинами. Не с пьяными – боже упаси! – а с пьяненькими, когда в женщине просыпается женщина.

Когда пьяная женщина, которую ты любишь, заявляет тебе: «Делай со мной, что хочешь, только будь нежным...» – разве эта формула не затмевает для тебя в этот миг все истины мира? В высоченном заборе «Нет» всегда найдется маленькая лазейка «Да».

Любовь глупа, как природа, а это и есть главная мудрость мира.

В общем, как это принято у интеллектуалов, было много водки и пьяных слез. Думаю, что первый день рождения Шарлотты удался: остаток ночи я активно щекотал своей трехдневной щетиной ее маленький клитор.

Любая женщина знает как минимум три способа, как повысить тонус в ваших штанах. Но для этого вы должны доказать, что умеете работать языком не только когда говорите.

У хорошей мысли, как и у красивой женщины, не может быть ни автора, ни хозяина. «Это не я, – говорит в таких случаях Сэм, – это Бог проговорился».

БАЙКИ ИЗ ГАЗЕТНОЙ КУРИЛКИ:

Редактор Нестор Иванович Вскипин

**принимает на работу новую секретаршу. К нему
в кабинет входит молодая симпатичная девушка.
Вскипин:**

– Заходи. Раздевайся. Ложись. Здравствуй.

ГОЛАЯ МИКРОСХЕМА РОМАНА

...Вместе со мной провожали Семена шестеро бомжей, три вокзальных проститутки и один «диссидент поведения» дядя Коля, одноглазый дедок в лыжных ботинках, везде пытающийся отбивать чечетку.

На перроне к нашей процессии присоединились два милиционера из патрульной службы.

Процессия моментально сформировалась, когда в ожидании поезда Семен решил проверить действенность своего учения о мистическом диссидентстве. Бомжи и проститутки, а также примкнувший к ним чечеточник дядя Коля сразу же восприняли идеи мистической свободы, равенства и братства. «Существующий режим превратил всех в отбросы, но я верю, что скоро в вас проснется самосознание!» — с чувством закончил свое импровизированное выступление Семен.

Первыми, в ком проснулось самосознание, были бомжи: сначала они попросили у нас закурить, а потом на бутылку. «Диссидент поведения», чечеточник дядя Коля, внимательнее всех слушавший Семена, изъявил непреклонное желание следовать за своим учителем хоть до Германии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.